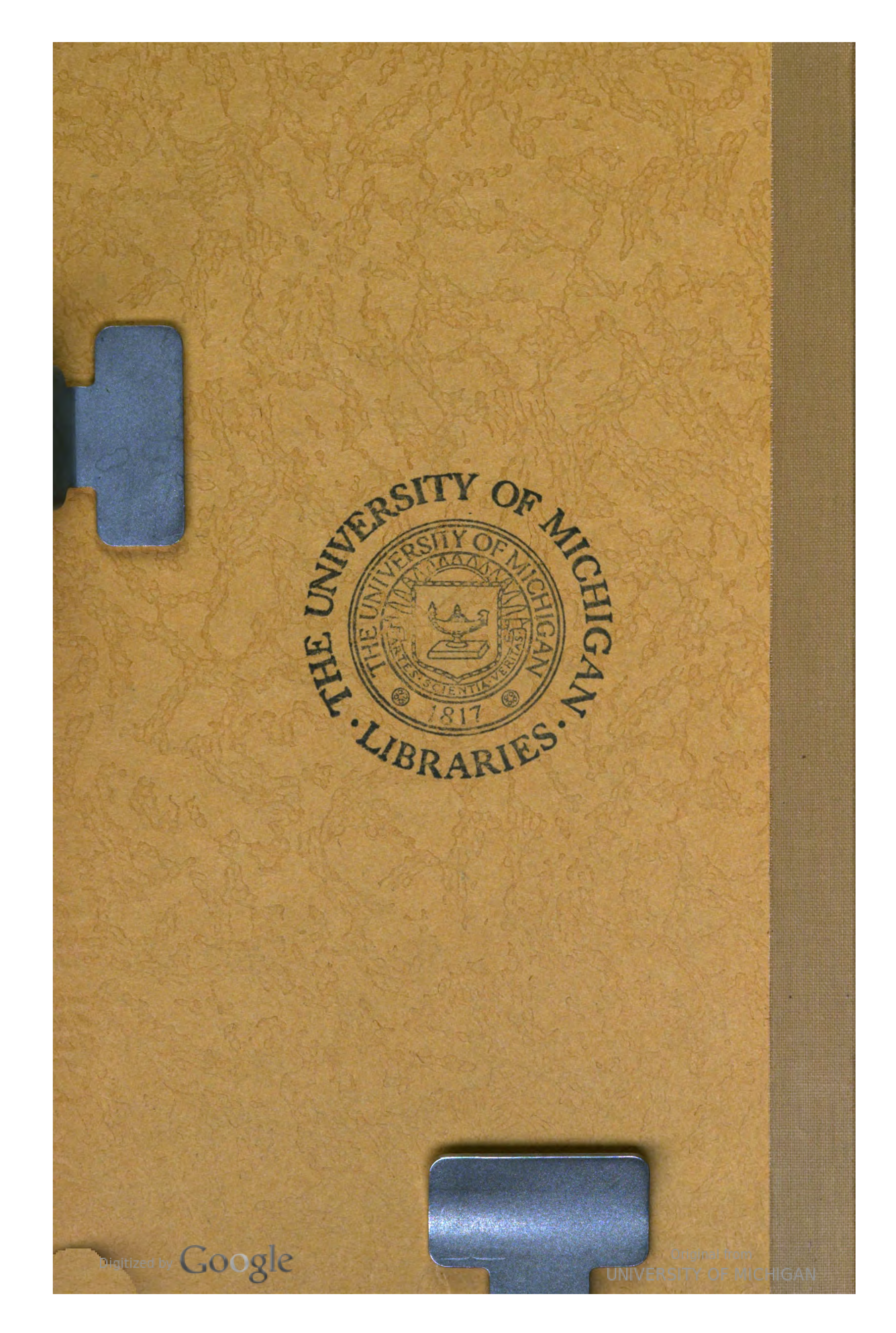

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

М. ПАЛЕОЛОГЪ

РОМАНЪ ИМПЕРАТОРА

СЛОВО

МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ

АЛЕКСАНДРЪ II
И
КНЯГИНЯ ЮРЬЕВСКАЯ

1924
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“

ВСТУПЛЕНІЕ

Покушеніе 1/13 марта 1881 года. — Мой пріѣздъ въ С.-Петербургъ. — Торжественное погребеніе Императора Александра II въ соборѣ Петропавловской крѣпости. — Появленіе во время отпѣванія морганатической супруги Александра II княгини Юрьевской. — Ея роль въ жизни Александра II и политической жизни Россіи.

Это было въ 1881 году. Я только что поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и, еще не сдавъ экзамена, былъ причисленъ къ кабинету министра Бартелеми Сентъ-Илера, переводчика Аристотеля и друга Тьера.

Въ воскресенье, 1/13 марта, около семи часовъ вечера, когда я въ качествѣ дежурнаго находился въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ министра, одинъ изъ чиновниковъ секретнаго отдѣла принесъ мнѣ съ растеряннымъ видомъ срочную телеграмму, только что имъ расшифрованную. Она гласила:

С.-Петербургъ, 13-го марта 1881 года.

Страшное несчастье постигло Россію. Императоръ скончался въ три съ половиной часа пополудни, павъ жертвой гнуснаго покушенія.

Его Величество, послѣ парада и посѣщенія великой княгини Екатерины, возвращался домой, какъ вдругъ брошенной бомбой была взорвана его карета. Императоръ, оставшійся невредимымъ, хотѣлъ выйти изъ кареты, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Въ это мгновеніе вторымъ взрывомъ ему раздробило ноги. Императора въ саняхъ довезли до дворца, гдѣ онъ скончался часъ спустя. Я видѣлъ его на его смертномъ одрѣ, окруженнаго потрясенной семьей.

Все населеніе столпилось около дворца, выражая глубокую скорбь и сохраняя полное спокойствіе.

Изъ сопровождавшихъ Государя одинъ казакъ убитъ, пятеро ранено. Говорятъ и о другихъ жертвахъ. На мѣстѣ преступленія во время взрыва произведено четыре ареста.

Генералъ Шанзи.

Нѣсколько часовъ спустя стали извѣстны и всѣ подробности покушенія.

Французское общество было взволновано; печать, какъ это было и естественно, выразила отвращеніе, вызываемое у порядочныхъ людей столь гнуснымъ преступленіемъ. Но и только.

Въ это время взаимоотношенія между Россіей и Франціей не отличались особенной сердечностью. Франція еще не безъ горечи вспоминала о телеграммѣ 27-го февраля 1871 года, въ которой новый германскій императоръ, Вильгельмъ I, сообщая изъ Версаля своему царственному племяннику о заключеніи предварительнаго мирнаго договора, писалъ: „Пруссія никогда не забудетъ, чѣмъ она Вамъ обязана. Да благословитъ Васъ Богъ!“

Правда, ни для кого не было тайной, что въ 1875 г. Царь воспротивился тѣмъ воинственнымъ замысламъ, которые таилъ Бисмаркъ противъ Франціи. Но съ тѣхъ поръ дѣятельность революціонеровъ окружила имя Александра II страшными легендами; его представляли еще болѣе деспотичнымъ и безпощаднымъ, чѣмъ его отца — жестокаго самодержца Николая I.

За нѣсколько мѣсяцевъ до убійства важный инцидентъ до крайности обострилъ дипломатическія отношенія между Петербургомъ и Парижемъ. Императорское правительство потребовало отъ насъ выдачи анархиста Гартмана, обвиняемаго въ организаціи взрыва царскаго поѣзда на вокзалѣ въ Москвѣ 19 ноября/1 декабря 1879 года. Подъ вліяніемъ нашихъ прогрессивныхъ партій, французское правительство отказалось исполнить это требованіе, что вызвало гнѣвъ Александра II. Русская печать выражала свое рѣзкое неудовольствіе, и русскій посолъ, князь

Орловъ, внезапно уѣхалъ изъ Парижа, не простившись ни съ президентомъ республики, ни даже съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и аккредитовавъ письмомъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ.

Смерть Александра II ставила Европу передъ рядомъ тревожныхъ вопросовъ. Что произойдетъ въ Россіи? Является ли покушеніе 1/13 марта вступленіемъ къ общему перевороту? Что одержитъ побѣду — консервативныя или революціонныя силы? Въ случаѣ вѣроятной сильной реакціи, не будетъ ли царскій абсолютизмъ вынужденъ тѣснѣе сплотиться съ германскими державами? Не грозитъ ли намъ опасность возобновленія направленнаго противъ Франціи и заключеннаго въ 1873 году знаменитаго союза трехъ императоровъ?..

Бартелеми Сентъ-Илеръ желалъ какъ можно скорѣй получить отвѣтъ на эти вопросы. Онъ написалъ личное письмо по этому поводу нашему послу въ Россіи, генералу Шанци, къ которому онъ относился съ глубокимъ почтеніемъ, и поручилъ мнѣ доставить это письмо, дополнивъ его нѣкоторыми устными поясненіями.

Во вторникъ, 3/15 марта вечеромъ, я выѣхалъ въ Петербургъ.

На Сѣверномъ вокзалѣ я получилъ какъ бы первое предостереженіе того, что меня ожидаетъ въ Россіи. Въ залѣ для отъѣзжающихъ я прочелъ объявленіе, гласившее, что русская граница закрыта впредь до новаго распоряженія и что путешественники, направляющіеся въ Россію, должны будутъ остановиться въ Берлинѣ. Мой дипломатическій паспортъ, однако, обезпечивалъ мнѣ возможность доѣхать до Петербурга.

Экспрессъ былъ почти пустъ. Въ немъ было не болѣе двадцати человѣкъ, въ число которыхъ входилъ Великій Князь Николай Николаевичъ, братъ Императора и бывшій Главнокомандующій Русской Арміей во время Турецкой войны, его сыновья Николай и Петръ, возвращавшіеся изъ Каннъ, ихъ адъютанты и многочисленная прислуга.

Въ Берлинѣ, куда мы прибыли на слѣдующій день въ 8 час. вечера, у насъ была продолжительная остановка, во время которой Великимъ Князьямъ представлялись

чины Русскаго посольства въ глубокомъ трауръ и адъютантъ престарѣлаго императора Вильгельма.

Поѣздъ былъ подвергнутъ тщательному полицейскому досмотру, и, за исключеніемъ Великихъ Князей, ихъ свиты и одного англійскаго курьера, лишь я одинъ получилъ разрѣшеніе слѣдовать дальше.

На слѣдующій день, въ 4 часа пополудни, мы прибыли въ Эйдкуненъ, гдѣ въ поѣздъ внесли множество сундуковъ и чемодановъ военнаго образца. Немного времени спустя въ Вержболово я увидѣлъ Великихъ Князей въ военной формѣ выходящими изъ вагона съ траурными нарукавниками на сѣрыхъ шинеляхъ. Выстроившійся на перронѣ отрядъ солдатъ отдавалъ честь.

Несмотря на свой дипломатическій паспортъ я былъ подвергнутъ тщательному допросу о цѣли моего путешествія. Жандармскій офицеръ, производившій этотъ допросъ, былъ изысканно любезенъ. Такому же допросу былъ подвергнутъ и англійскій курьеръ.

Я прошелъ въ буфетъ выпить стаканъ чаю. Въ сумеркахъ подъ тяжело нависшимъ небомъ вокзалъ производилъ мрачное впечатлѣніе. Передъ каждой дверью стоялъ жандармъ, вдоль желѣзнодорожнаго полотна часовые, а кругомъ, въ безпредѣльной туманной равнинѣ то тамъ, то здѣсь, появлялись казачьи патрули, охранявшіе границу.

Черезъ 24 часа мы прибыли въ Петербургъ.

Петербургъ былъ совершенно терроризованъ, — не только покушеніемъ, совершеннымъ 1/13 марта, но еще болѣе слухами о силѣ и отвагѣ революціонеровъ. На улицахъ можно было встрѣтить лишь запуганныхъ и растерянныхъ людей. При встрѣчѣ другъ съ другомъ они обмѣнивались тревожными новостями, множившимися съ каждымъ часомъ. Говорили о сенсаціонныхъ арестахъ, о захватѣ оружія, взрывчатыхъ веществъ, объ обнаруженіи тайныхъ типографій, о революціонныхъ прокламаціяхъ, расклеенныхъ въ общественныхъ мѣстахъ и даже въ Зимнемъ Дворцѣ, объ угрожающихъ письмахъ, полученныхъ высшими представителями власти, объ убійствахъ жандармскихъ офицеровъ среди бѣлаго дня въ центрѣ города и т. п. Особенно были взволнованы только что опубликованнымъ результатомъ разслѣдованія.

Распутывая нить заговора, полиціи удалось обнаружить произведенный на углу Садовой и Невскаго подкопъ, въ которомъ была заложена адская машина, начиненная двумя пудами динамита.

Я направился прямо въ посольство и тотчасъ же выполнилъ данное мнѣ порученіе. Въ тотъ же вечеръ, за обѣдомъ у генерала Шанзи, я познакомился съ его главными сотрудниками: съ его адъютантомъ подполковникомъ Буадефромъ, совѣтникомъ посольства Терно-Компанъ и самымъ блестящимъ изъ секретарей, успѣвшимъ уже составить себѣ литературное имя — Мельхіоромъ де Вогюэ.

Въ живой и интересной бесѣдѣ, въ которую генералъ время отъ времени вставлялъ мѣткое слово, я впервые ближе ознакомился съ Россіей. Я не могъ и желать лучшей подготовки къ тому зрѣлищу похоронъ императора, свидѣтелемъ котораго я долженъ былъ стать на слѣдующій день.

Въ 9 час. утра мы собрались въ посольствѣ въ парадной формѣ, дипломатической или военной.

День былъ холодный, небо — безоблачно. Закованная въ гранитныя набережныя Нева пышно раскинула свой ледяной уборъ. Когда мы вышли изъ посольства, лучъ солнца заблестѣлъ на золотомъ шпицѣ Петропавловской крѣпости, привлекая взоры къ куполу собора и къ бастіонамъ государственной тюрьмы.

Съ крѣпости раздались три пушечныхъ залпа и вслѣдъ за этимъ былъ поднятъ черно-желтый штандартъ съ императорскимъ гербомъ. Зазвонили во всѣхъ церквахъ. Погребальное шествіе двинулось по Адмиралтейской набережной.

Шествіе открывалъ эскадронъ кавалергардовъ. Вслѣдъ за нимъ, выстроившись въ рядъ, шла вереница церемоніймейстеровъ, несущихъ царскія регаліи покойнаго самодержца: короны, скипетры, державы, знамена и гербы Москвы, Кіева, Владиміра, Новгорода, Смоленска, Казани, Астрахани, Сибири, Волыни, Херсона, Польши, Ливоніи, Эстоніи и Курляндіи, Кареліи, Финляндіи, Грузіи и т. д. Передъ каждымъ гербомъ двое конюшихъ на поводу

вели браннаго коня, покрытаго черной попоной и несущаго щитъ съ гербомъ данной области.

Вслѣдъ за ними престарѣлый князь Суворовъ несъ на золотой подушкѣ корону, сверкавшую брильянтами, рубинами и топазами. Онъ несъ ее съ трудомъ, такъ какъ она очень тяжела: это императорская корона Россіи.

Такъ прошла передо мною въ живыхъ образахъ исторія русскихъ монарховъ отъ Владиміра Святого и первыхъ московскихъ князей до послѣднихъ Романовыхъ. И тутъ я впервые понялъ глубокій смыслъ того, что русскіе цари назывались „собирателями земли русской".

Эту величественную картину дополняли представители трехъ главныхъ сословій: дворянъ, купцовъ и крестьянъ.

Два взвода кирасиръ замыкали первую часть шествія.

Послѣ небольшого перерыва шли пѣвчіе съ горящими свѣчами, а за ними духовенство.

Величественная процессія священнослужителей въ ризахъ изъ чернаго бархата, расшитаго серебромъ, производила глубокое впечатлѣніе. Въ суровыхъ митрахъ и византійскихъ ризахъ, наполовину скрывающихъ ихъ руки и лица, митрополиты и архіереи казались движущимися иконами.

Вслѣдъ за ними слѣдовала траурная колесница, запряженная восмью черными лошадьми въ траурныхъ попонахъ съ бѣлыми султанами.

Внутри колесницы по угламъ гроба стояли четыре генералъ-адъютанта. Самъ гробъ покрытъ былъ горностаевымъ, вышитымъ золотомъ покрываломъ.

За гробомъ слѣдовалъ императоръ Александръ III съ непокрытой головой, крѣпкій и величественный, въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Его сопровождали Великіе Князья.

Императрица Марія Федоровна со своими дѣтьми, Великими Княгинями и придворными дамами слѣдовали за гробомъ въ траурныхъ каретахъ.

Шествіе замыкалъ отрядъ гвардейцевъ.

Мы съ генераломъ Шанзи пошли прямо въ соборъ крѣпости. Подошли мы къ нему одновременно съ траурной колесницей. Императоръ и Великіе Князья сняли гробъ и на плечахъ понесли его къ катафалку.

Вслѣдъ за этимъ въ ярко освѣщенной церкви передъ таинственно сверкающимъ иконостасомъ началась дивная заупокойная литургія.

Императорская семья заняла мѣсто справа отъ катафалка.

Придворные чины, министры, генералы, сенаторы и высшіе представители гражданской и военной власти стали въ серединѣ собора.

Иностранные послы, вмѣстѣ съ чинами посольствъ, заняли мѣсто за императоромъ. Германію представлялъ генералъ Швейницъ; Австро-Венгрію,—графъ Кальноки; Англію—лордъ Дюфренъ; Италію—Нигра. Но и на этотъ разъ лучше всѣхъ представлена была Франція. Своей внушительной внѣшностью, открытымъ и энергичнымъ лицомъ, врожденнымъ достоинствомъ и изяществомъ манеръ, трезвостью своей рѣчи генералъ Шанзи блестяще олицетворялъ лучшія свойства французскаго характера.

— Торжественное богослуженіе сосредоточиваетъ мое вниманіе на усопшемъ, посинѣвшее лицо котораго, освѣщаемое колеблющимся свѣтомъ свѣчей, кажется трагическимъ: по православному обычаю гробъ открытъ.

Догадываясь о моихъ мысляхъ, Вогюэ сказалъ мнѣ: Вглядитесь въ этого мученика! Онъ былъ великимъ царемъ и былъ достоенъ лучшей судьбы... Онъ не былъ блестящимъ умомъ, но онъ былъ великодушнымъ, благороднымъ и прямымъ. Онъ любилъ свой народъ и питалъ безконечную жалость къ униженнымъ и оскорбленнымъ... Вспомните о его реформахъ. Петръ Великій не совершилъ большаго... Вспомните о всѣхъ трудностяхъ, которыя ему надо было преодолѣть, чтобы уничтожить рабство и создать новыя основы для сельскаго хозяйства. Подумайте, что тридцать милліоновъ человѣкъ обязаны ему своимъ освобожденіемъ... А его административныя реформы! Вѣдь онъ попытался уничтожить чиновничій произволъ и соціальную несправедливость. Въ устройствѣ суда онъ создалъ равенство передъ закономъ, установилъ независимость судей, уничтожилъ тѣлесныя наказанія, ввелъ судъ присяжныхъ. А вѣдь онъ былъ непосредственнымъ преемникомъ деспотичнаго Николая I!... Въ иностранной политикѣ созданное имъ не менѣе зна-

чительно. Онъ осуществилъ замыслы Екатерины II о Черномъ морѣ; онъ уничтожилъ унизительныя статьи Парижскаго трактата; онъ довелъ московскія знамена до береговъ Мраморнаго моря и стѣнъ Константинополя; онъ освободилъ болгаръ, онъ установилъ русское преобладаніе въ Центральной Азіи... И, наконецъ, въ самое утро своего послѣдняго дня, онъ работалъ надъ преобразованіемъ, которое должно было превзойти всѣ остальныя и которое неминуемо вывело бы Россію на путь мирнаго западно-европейскаго развитія: онъ хотѣлъ дать конституцію... И въ этотъ день революціонеры его убили! Какъ загадочно-странно перекрещиваются линіи исторіи и какъ издѣвается она надъ здравымъ смысломъ. Освободитель американскихъ негровъ Линкольнъ былъ также убитъ. А освобожденіе негровъ вызвало въ другой части свѣта освобожденіе крестьянъ. Александръ II не хотѣлъ, чтобы Россія оставалась бы единственнымъ христіанскимъ государствомъ, въ которомъ существовало бы рабство... Да, быть освободителемъ не безопасно!"

Въ это время хоръ началъ пѣть „Вѣчную память". Вслѣдъ за этимъ священникъ прочелъ отпущеніе грѣховъ и приложилъ ко лбу усопшаго полоску пергамента съ начертанной на ней молитвой.

Наступилъ моментъ послѣдняго прощанія.

Поднявшись по ступенькамъ катафалка съ глазами, полными слезъ, Александръ III склонился надъ гробомъ и запечатлѣлъ свой прощальный поцѣлуй на рукѣ отца. Царица, Великіе Князья и Княгини послѣдовали его примѣру.

Вслѣдъ за ними послы съ чинами посольства приблизились къ гробу. Но въ это время главный церемоніймейстеръ, князь Ливенъ, попросилъ насъ остановиться.

Въ глубинѣ церкви, изъ двери, ведущей въ ризницу, вышелъ министръ двора, графъ Адлербергъ, поддерживая хрупкую молодую женщину подъ длиннымъ траурнымъ вуалемъ. Это морганатическая супруга покойнаго императора, княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая.

Невѣрными шагами поднялась она по ступенькамъ катафалка. Опустившись на колѣни, она погрузилась въ

молитву, припавъ головой къ тѣлу покойнаго. Черезъ нѣсколько минутъ она съ трудомъ поднялась и, опираясь на руку графа Адлерберга, медленно исчезла въ глубинѣ церкви.

Вслѣдъ за этимъ дипломатическій корпусъ прошелъ мимо гроба Императора. Когда насталъ мой чередъ, я замѣтилъ, что вся нижняя часть тѣла усопшаго, изуродованная взрывомъ, скрыта пышной мантіей и что красная вуаль, закрывающая часть лица, скрываетъ двѣ раны.

Изъ всѣхъ впечатлѣній, сохранившихся въ моей памяти о моемъ первомъ пребываніи въ Россіи, наиболѣе сильное было воспоминаніе о мимолетномъ появленіи въ соборѣ крѣпости княгини Юрьевской.

Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ я видѣлъ ее нѣсколько разъ въ Парижѣ, гдѣ она вела обычную жизнь богатой иностранки. У нея не было никакихъ сердечныхъ увлеченій. Трое ея дѣтей отъ Александра II, казалось, поглощали всю ея нѣжность. Она подолгу жила въ Ниццѣ, гдѣ и умерла 15 февраля 1922 г. Ея смерть была отмѣчена двумя-тремя газетными строками.

А между тѣмъ, я зналъ, что ея личная жизнь была связана съ большой политической тайной. Немногіе, въ эту тайну посвященные, ревниво ее оберегали или унесли съ собой въ могилу.

Отрывочныя свѣдѣнія, собранныя мною во время моей службы въ Петроградѣ, нѣсколько писемъ, попавшихъ въ мои руки и, наконецъ, откровенный разсказъ лица, посвященнаго въ эту тайну и довѣрившагося мнѣ, даютъ мнѣ возможность болѣе точно опредѣлить то важное мѣсто, которое княгиня Юрьевская по праву должна занять въ исторіи Россіи.

Глава I.

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая.—Ея предки. — Помѣстье Тепловка.—Разореніе и смерть отца.—Княжна Долгорукая поступаетъ въ Смольный институтъ.—Встрѣчи въ Лѣтнемъ Саду съ Александромъ II.—Отъ состраданія къ любви.—Бабигонскій бельведеръ.—Странная клятва.—Комната Николая I въ Зимнемъ дворцѣ.—Связь становится извѣстной.—Екатерину Михайловну увозятъ въ Неаполь.

Княжна Екатерина Михайловна была дочерью Михаила Михайловича Долгорукаго и его супруги Вѣры Гавриловны, урожден. Вишневецкой. Родилась она въ Москвѣ 2-го ноября 1847 года.

Отецъ ея, унаслѣдовавшій крупное состояніе, велъ безпечный образъ жизни и живалъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ своемъ большомъ помѣстьи Тепловкѣ, вблизи Полтавы. Родъ Долгорукихъ идетъ по прямой линіи отъ Рюрика, Владиміра Святого и Великомученика Михаила, князя Черниговскаго. Дочь одного изъ предковъ Долгорукаго, Марія, въ 1616 году вышла замужъ за Михаила Федоровича Романова, основателя династіи Романовыхъ.

Въ августѣ 1857 года императоръ Александръ II, пріѣхавъ на маневры, остановился въ Тепловкѣ. Не желая быть навязчивой, вся семья переѣхала въ одинъ изъ флигелей.

Однажды, послѣ обѣда, Царь со своими адъютантами сидѣлъ на верандѣ, когда мимо него пробѣжала маленькая дѣвочка. Царь окликнулъ ее: „Кто ты? и что ты ищешь?“

— Я — Екатерина Михайловна, пролепетала дѣвочка, смутясь, — мнѣ хочется видѣть Императора.

Это разсмѣшило Государя. Онъ усадилъ ее на колѣни, поболталъ съ нею и затѣмъ велѣлъ отвести къ родителямъ.

Увидѣвъ ее на слѣдующій день, Императоръ былъ пораженъ ея прирожденной граціей, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. Изысканно-любезно, какъ будто бы она была придворной дамой, Царь попросилъ ее показать ему садъ. Они долго гуляли вмѣстѣ. Она была въ восторгѣ. Воспоминаніе объ этомъ днѣ прочно закрѣпилось въ дѣтской памяти.

Годъ спустя, Александру II вновь пришлось вспомнить о ней. Князь Долгорукій, безвольный и привыкшій къ широкому образу жизни, увлекшись спекуляціей, потерялъ все свое состояніе. Дѣловыя заботы расшатали его и такъ подорванное здоровье, и онъ вскорѣ умеръ. Дабы оградить семью отъ настойчивости кредиторовъ, Царь принялъ Тепловку „подъ императорскую опеку" и взялъ на себя расходы по воспитанію шестерыхъ, оставшихся послѣ смерти князя дѣтей — четырехъ сыновей и двухъ дочерей.

Екатерина Михайловна и ея младшая сестра Марія поступили въ Смольный институтъ, основанный Екатериной II въ подражаніе Сенъ-Сирскому институту мадамъ де Ментенонъ. Великолѣпное по архитектурѣ зданіе этого „Института благородныхъ дѣвицъ" раскинулось на воспѣтой Пушкинымъ Невѣ въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ. Начиная съ Екатерины II, всѣ русскіе императоры и императрицы осыпали этотъ институтъ своими милостями. Они интересовались личностью воспитанницъ, ихъ работою и играми и часто посѣщали ихъ.

Въ этомъ аристократическомъ учебномъ заведеніи юныя княжны Долгорукія скоро выдѣлились своей красотой. Обѣ стройныя и съ правильными чертами лица, онѣ олицетворяли два разныхъ типа женской красоты. Лицо старшей, Екатерины, было какъ бы выточено изъ слоновой кости и обрамлено каштановыми волосами; младшая, Марія, пышущая здоровьемъ, обѣщала стать красавицей-блондинкой. Александръ II часто и охотно бесѣдовалъ съ ними. Но вскорѣ можно было замѣтить, что съ особеннымъ вниманіемъ онъ относится къ старшей.

Въ 17 лѣтъ Екатерина Михайловна окончила институтъ. Получая скромную пенсію, она поселилась у старшаго брата, князя Михаила Михайловича, женатаго на прелестной неаполитанкѣ, маркизѣ Вулькано де Черчемаджіоре.

Зимой они занимали квартиру на Бассейной, а лѣтомъ жили въ скромной дачѣ въ Петергофѣ.

Однажды весной, Екатерина Михайловна въ сопровожденіи горничной проходила по Лѣтнему саду, покрытому еще снѣжнымъ ковромъ. Она увидѣла императора, совершавшаго свою обычную прогулку въ сопровожденіи адъютанта. Государь подошелъ къ ней и, не обращая вниманія на прохожихъ, наблюдавшихъ за ними, увлекъ ее въ одну изъ боковыхъ аллей.

Ласковыми, нѣжными и соблазнительными словами царь глубоко смутилъ и взволновалъ неопытную, наивную дѣвушку. Она хотѣла просить его замолчать, но, смущенная, не находила словъ, застревавшихъ у нея въ горлѣ.

Съ этого времени встрѣчи стали довольно часты то въ Лѣтнемъ саду, то въ извилистыхъ аллеяхъ Елагина острова, а лѣтомъ подъ тѣнью вѣкового лѣса въ окрестностяхъ Петергофа. Но тщетно государь говорилъ ей всякій разъ о своей большой, властной и мучительной любви — она оставалась холодной, далекой и замкнутой.

Потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Екатеринѣ Михайловнѣ удавалось избѣгать встрѣчъ съ царемъ. Но вскорѣ онъ снова добился ихъ.

Впослѣдствіи, когда случилось неизбѣжное, она съ недоумѣніемъ вспоминала объ этомъ періодѣ своей жизни и часто говорила своему вѣрному другу, госпожѣ Ш.: „Не понимаю, какъ я могла противиться ему въ теченіе цѣлаго года, какъ не полюбила его раньше".

Полюбила она его не сразу. Однажды, при встрѣчѣ съ Екатериной Михайловной, Царь показался ей такимъ безпомощнымъ и несчастнымъ, что въ ней пробудилась жалость и состраданіе. Въ этотъ день она нашла простыя, но нѣжныя слова, бальзамомъ пролившіяся на его истрадавшееся сердце. А когда они разстались, она упрекала себя въ недостаточной нѣжности. Впервые со времени ихъ знакомства, она съ нетерпѣніемъ ждала слѣдующей встрѣчи.

При слѣдующемъ свиданіи, лишь только ихъ взгляды встрѣтились, она вздрогнула отъ внезапнаго сердечнаго потрясенія и какъ бы вся переродилась.

* * *

Наступилъ іюль 1866 года. Дворъ по обыкновенію находился въ Петергофѣ въ великолѣпномъ дворцѣ, выстроенномъ на берегу финскаго залива Петромъ Великимъ съ тайнымъ желаніемъ затмить Версаль.

Въ концѣ парка, близъ дороги, ведущей въ Красное Село, возвышается павильонъ, украшенный колоннадой, нѣчто вродѣ бельведера. Этотъ бельведеръ, носящій имя Бабигона, былъ выстроенъ Николаемъ I въ 1853 году для его супруги, императрицы Александры. Уединенный и окруженный зеленью и цвѣтами, онъ господствуетъ надъ волнистой поверхностью финскихъ водъ.

Здѣсь 1/13-го іюля Екатерина Михайловна, взволнованная до потери сознанія, отдалась не менѣе взволнованному Императору Александру II.

Разставаясь съ ней и покрывая ее послѣдними поцѣлуями, Царь торжественно поклялся ей:

„Увы, я сейчасъ не свободенъ. Но при первой возможности я женюсь на тебѣ, ибо отнынѣ и навѣки я считаю тебя своею женой передъ Богомъ . . . До завтра! .. Благослови тебя Богъ."

Съ тѣхъ поръ Екатерина Михайловна часто приходила въ павильонъ.

Когда же пасмурное сентябрьское небо и холодные осенніе дожди вынудили дворъ вернуться въ столицу, то встрѣчи юной княжны съ ея Августѣйшимъ Другомъ стали еще болѣе частыми.

Три-четыре раза въ недѣлю она тайно являлась въ Зимній дворецъ. Собственнымъ ключомъ открывала она низенькую дверь и проникала въ уединенную комнату перваго этажа, выходящую окнами на площадь. Эта комната соединялась потайной лѣстницей съ царскими аппартаментами второго этажа. Въ теченіе тридцати лѣтъ Николай I занималъ эту комнату и отсюда управлялъ Великой Имперіей. Мебель, портьеры, картины, книги — вся обстановка, среди которой неумолимый самодержецъ обдумывалъ свои деспотическіе планы, обратилась теперь въ рамку любовныхъ свиданій.

О связи вскорѣ узнали. Но въ петербургскихъ салонахъ говорили о ней лишь полушопотомъ и полусловами. Особа Государя считалась священной, а вмѣстѣ съ тѣмъ

управляемое графомъ Шуваловымъ третье отдѣленіе имѣло повсюду уши, и сплетничать о личной жизни Государя было далеко не безопасно.

Однако, супруга старшаго брата Екатерины Михайловны вскорѣ узнала, что въ придворныхъ сплетняхъ называютъ и ея имя, обвиняя ее въ содѣйствіи сближенію Императора съ молодой княжной и покровительствѣ этой связи.

Возмущенная этой клеветой и боясь за будущность Екатерины, она рѣшила увезти ее въ Неаполь, гдѣ жили ея родные.

Случись это нѣсколькими мѣсяцами раньше, эта поѣздка могла бы имѣть спасительное дѣйствіе, но теперь она лишь разожгла страсть, тѣмъ болѣе, что возлюбленные ежедневно обмѣнивались письмами.

Глава II.

Чѣмъ объясняется любовь княжны Долгорукой къ Александру II. — Обаятельность Александра II.—Чѣмъ объясняется любовь Александра II къ княжнѣ Долгорукой.—Роль женщинъ въ жизни Александра II. — Первая любовь къ Маріи Гессенской. — Многочисленныя любовныя похожденія.—Искренность чувства къ княжнѣ Долгорукой.— Отъѣздъ княжны въ Неаполь разжигаетъ страсть.

На первый взглядъ эта сильная любовь между людьми, столь различными по возрасту и положенію, можетъ показаться непонятной.

Когда Екатерина Михайловна впервые пришла въ Бабигонъ, ей было только 17 лѣтъ, а Александру — 47. Онъ могъ бы быть ея отцомъ и долженъ былъ ей казаться слишкомъ старымъ.

Конечно, въ ея глазахъ Александръ былъ окруженъ таинственнымъ и загадочнымъ ореоломъ. Вѣдь онъ былъ Императоромъ, самодержавнымъ Царемъ всея Руси, помазанникомъ Бога, неограниченнымъ властелиномъ величайшаго въ мірѣ государства. Какъ могла она не поддаться очарованію блеска и пышности придворной жизни.

А русскій дворъ никогда еще не блисталъ такъ ослѣпительно. Не говоря о величественной внѣшности Императора и Императрицы, вся царская семья должна была производить очень сильное впечатлѣніе. Рѣдко приходилось встрѣчать у ступеней трона такое большое количество выдающихся по красотѣ людей, какъ цесаревичъ Александръ, великій князь Владиміръ, великій князь Константинъ, великій князь Михаилъ, великая княгиня Елена, великая княгиня Ольга, великая княгиня Марія, великая княгиня Александра и т. д. Празднества справлялись съ неслыханной роскошью и великолѣпіемъ.

Англійскій посланникъ, лордъ Лофтусъ, бывшій свидѣтелемъ этого блестящаго періода жизни двора, такъ

описалъ эту жизнь въ своихъ „мемуарахъ дипломата": „Дворъ блистаетъ и поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, въ которомъ есть что-то, напоминающее Востокъ. Балы съ ихъ живописнымъ разнообразіемъ военныхъ формъ, среди которыхъ выдѣляется романтическое изящество кавказскихъ одѣяній, — съ исключительной красотой дамскихъ туалетовъ, сказочнымъ сверканіемъ драгоцѣнныхъ камней, своей роскошью и блескомъ превосходитъ все, что я видѣлъ въ другихъ странахъ."

Теофиль Готье, посѣтившій Россію въ 1865 году и удостоившійся приглашенія на одинъ изъ придворныхъ баловъ, долженъ былъ исчерпать все богатство своего языка, чтобы описать это празднество. Чтобы получить общее впечатлѣніе, онъ наблюдалъ за баломъ съ хоръ Георгіевскаго зала. Вотъ что онъ пишетъ:

„Когда вы впервые вглядываетесь въ эту ослѣпительную картину, васъ охватываетъ головокруженіе. Въ сверкающей массѣ свѣчей, зеркалъ, золота, брильянтовъ, драгоцѣнныхъ камней, шелка трудно различить отдѣльныя очертанія. Затѣмъ, глазъ нѣсколько привыкаетъ къ ослѣпительному блеску и охватываетъ гигантскихъ размѣровъ залъ, украшенный мраморомъ и лѣпными украшеніями... Всѣми цвѣтами радуги переливаются военные мундиры, расшитые золотомъ, эполеты, украшенные брильянтовыми звѣздами, ордена и нагрудные знаки, осыпанные драгоцѣнными камнями. Одѣянія мужчинъ такъ блестящи, богаты и разнообразны, что дамамъ въ ихъ легкихъ и изящныхъ туалетахъ трудно бороться съ этимъ тяжелымъ блескомъ. Не имѣя возможности превзойти мужчинъ богатствомъ своихъ туалетовъ, онѣ побѣждаютъ ихъ своею красотой: ихъ обнаженныя шеи и плечи стóятъ всѣхъ блестящихъ мужскихъ украшеній."

Теофиль Готье набрасываетъ и портретъ императора: „Александръ II былъ одѣтъ въ этотъ вечеръ въ изящный военный костюмъ, выгодно выдѣлявшій его высокую, стройную и гибкую фигуру. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлую куртку, украшенную золотыми позументами и спускавшуюся до бедеръ. Воротникъ и рукава были оторочены мѣхомъ голубого сибирскаго песца. Свѣтлоголубыя брюки въ обтяжку, узкіе сапоги четко обрисовывали ноги. Волосы

государя были коротко острижены и хорошо обрамляли высокій и красивый лобъ. Черты лица изумительно правильны и кажутся высѣченными художникомъ. Голубые глаза особенно выдѣляются благодаря коричневому тону лица, обвѣтреннаго во время долгихъ путешествій. Очертанія рта такъ тонки и опредѣленны, что напоминаютъ греческую скульптуру. Выраженіе лица, величественно-спокойное и мягкое, время отъ времени украшается милостивой улыбкой."

Могла ли княжна Долгорукая не быть покоренной этимъ величественнымъ Монархомъ, склонившимся передъ ней?

И, тѣмъ не менѣе, когда она согласилась прійти въ Бабигонъ, ею руководили не тщеславныя мечты, не пылкость воображенія, но лишь голосъ ея сердца. Она отдалась не царю, но человѣку.

И ея инстинктъ не обманулъ ея. Александръ Николаевичъ, какъ человѣкъ, въ своей личной жизни обладалъ рѣдкими достоинствами. Онъ отличался благородствомъ, великодушіемъ, спокойнымъ мужествомъ, самообладаніемъ, изяществомъ, тонкостью ума, изысканностью вкуса — онъ былъ джентльменомъ до мозга костей. И кромѣ всего этого, онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ и разсказчикомъ, полнымъ юмора и веселья.

Можно ли удивляться, что Екатерина Михайловна боготворила его?

Но чѣмъ объясняется столь внезапное, страстное и постоянное чувство Александра II къ 17 лѣтней дѣвушкѣ? Чѣмъ вызвана была его клятва: „Увы, сегодня я еще не свободенъ, но при первой возможности я женюсь на тебѣ, ибо отнынѣ и навѣки я считаю тебя своей женой передъ Богомъ..."

* * *

Въ жизни Александра II женщины всегда играли большую роль.

Уже въ 20 лѣтъ онъ пережилъ первое глубокое чувство.

Въ 1837 году по желанію Николая I онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ съ образовательной цѣлью. Онъ объѣхалъ Швецію, Австрію, Италію и подолгу задержался

въ Берлинѣ, Веймарѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Туринѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Изъ Неаполя черезъ Швейцарію и Прирейнскую область онъ направился къ своимъ роднымъ въ Штуттгартъ и Карлсруэ. Желая поскорѣе вернуться на родину, онъ захотѣлъ ускорить свою поѣздку въ Лондонъ, послѣдній этапъ его заграничнаго путешествія — и для этого рѣшилъ сократить свой маршрутъ, вычеркнувъ изъ него мелкія столицы Германскихъ союзныхъ государствъ, какъ Дармштадтъ, Мекленбургъ, Брауншвейгъ и т. д. Престарѣлый великій герцогъ Гессенскій Людовикъ II настоялъ, однако, чтобы Александръ посѣтилъ его дворъ хотя бы на нѣсколько часовъ. Молодой цесаревичъ вынужденъ былъ принять это предложеніе и нехотя прибылъ въ Дармштадтъ 12-го марта 1837 года.

Это посѣщеніе сыграло большую роль въ жизни Александра II. У Людовика II было четверо дѣтей — три сына и одна дочь, которая была младшей въ семьѣ — въ это время ей едва исполнилось 15 лѣтъ. Александръ Николаевичъ страстно въ нее влюбился.

Въ тотъ же вечеръ онъ сказалъ своимъ адъютантамъ — Орлову и Каверину: „Вотъ о комъ я мечталъ всю жизнь. Я женюсь только на ней". И онъ немедленно написалъ своимъ родителямъ, умоляя ихъ разрѣшить ему просить руки принцессы.

Его ждали въ это время въ Лондонѣ, и онъ вынужденъ былъ прервать свое пребываніе въ Дармштадтѣ. Но вскорѣ вновь туда вернулся.

Отвѣтъ родителей былъ мало ободрительнымъ. Ему было приказано какъ можно скорѣе вернуться въ Россію; что же касается его брака, то этотъ вопросъ нужно обсудить и во всякомъ случаѣ отложить.

Тогда Александръ рѣшительно заявилъ Орлову и Каверину, что онъ скорѣй откажется отъ трона, чѣмъ отъ брака съ принцессой Маріей.

Вернувшись въ Петербургъ, онъ подтвердилъ своимъ родителямъ непреклонность своего рѣшенія.

Но суровый самодержецъ Николай I и его горделивая супруга были неумолимы. А такъ какъ отказъ лишь возбуждалъ любовь Цесаревича, то они не скрыли отъ него причину своего упорства.

Великій герцогъ Людовикъ II женился въ 1804 году на принцессѣ Вильгельминѣ Баденской, которой было тогда 16 лѣтъ. Отъ ихъ брака родилось два сына — Людовикъ въ 1806 году и Карлъ въ 1809 году. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ семейные нелады повлекли за собой полное отчужденіе супруговъ, что ни для кого не оставалось тайной. Великая герцогиня Вильгельмина вела самостоятельный образъ жизни, и въ Дармштадтѣ открыто говорили о ея многочисленныхъ сердечныхъ увлеченіяхъ.

Весной 1823 года маленькій Дармштадтскій дворъ былъ взволнованъ извѣстіемъ о беременности Великой герцогини. 15-го іюля того же года она родила третьяго сына, принца Александра, который впослѣдствіи сталъ родоначальникомъ рода Баттенберговъ. Охраняя честь своей короны и семьи, Людовикъ II призналъ ребенка своимъ сыномъ. Но всѣ знали имя подлиннаго отца, хотя и не рѣшались открыто его называть, столь низокъ былъ онъ по своему положенію. На слѣдующій годъ, 8-го августа 1824 года, Великая герцогиня произвела на свѣтъ другого ребенка отъ того же отца — принцессу Марію.

Раскрытіе этой тайны, о которой говорили при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, не поколебало ни чувствъ, ни рѣшенія Цесаревича: „Что съ того!“ говорилъ онъ, „я люблю принцессу Марію, я женюсь на ней и скорѣе откажусь отъ трона, чѣмъ отъ нея“.

Императоръ Николай уступилъ. 16-го апрѣля 1841 г. въ Зимнемъ Дворцѣ состоялось бракосочетаніе Цесаревича Александра съ принцессой Маріей Гессенской.

Несмотря на тайну, связанную съ ея рожденіемъ, молодая Царевна была привѣтливо встрѣчена своей новой семьей и будущими подданными. По общему мнѣнію она была признана красавицей и прекрасно воспитанной. Несмотря на свою молодость, она проявляла всю серьезность своего характера; всей душой отдалась она дѣламъ благотворительности и восхищала Святѣйшій Синодъ своимъ благочестіемъ. При дворѣ ее упрекали лишь въ суровости, замкнутости и въ любви къ этикету. Ея супругъ осыпалъ ее знаками вниманія и нѣжности.

При вступленіи на престолъ (19-го февраля / 3-го марта 1855 года) у нихъ было шестеро дѣтей. Но частая

беременность (послѣ вступленія на престолъ Императрица родила еще двухъ дѣтей) подорвала ея здоровье. Къ тому же отъ природы она была не особенно сильной и съ трудомъ переносила суровый петербургскій климатъ.

Вынужденная по указанію врачей вести все болѣе замкнутый образъ жизни, она вскорѣ замѣтила, что Императоръ охладѣлъ къ ней. Гордая, она молча страдала, продолжая, несмотря на переживаемое ею испытаніе, сохранять чувство благодарности къ человѣку, подарившему ей свою первую любовь и сдѣлавшему изъ нея, незначительной принцессы, Императрицу-повелительницу всея Руси.

А въ это время у Александра II романъ смѣнялся романомъ и увлеченіе увлеченіемъ.

Одно время казалось даже, что онъ захваченъ серьезнымъ чувствомъ. Онъ увлекся молодой двадцатилѣтней дѣвушкой, столь же замѣчательной своимъ умомъ, какъ и красотой, княжной Александрой Сергѣевной Долгорукой — отдаленной родственницей Екатерины Михайловны. Какъ говорятъ, она послужила для Тургенева прототипомъ героини „Дыма". Въ 60 годахъ, въ эпоху великихъ реформъ, она играла большую роль. Ясность ея ума и твердость характера часто заставляли Александра II настойчиво слѣдовать по избранному имъ пути рѣшительныхъ преобразованій. Ее называли: „La grande Mademoiselle".

Внезапно, по неизвѣстной причинѣ, эта связь оборвалась. Александра Сергѣевна вышла замужъ за стараго генерала Альбединскаго, котораго Царь поспѣшилъ назначить Варшавскимъ губернаторомъ.

За этимъ увлеченіемъ слѣдовали другія, быстро смѣняя одно другое.

* * *

Избалованный быстрыми и легкими успѣхами, Александръ Николаевичъ былъ изумленъ сопротивленіемъ Екатерины Михайловны. Онъ не могъ понять, какъ могла избѣгать его, Царя - самодержца всея Руси, семнадцатилѣтняя дѣвченка. Какъ могла она оставаться непреклонной, несмотря на всѣ его настоянія. Съ непокорной онъ впервые встрѣчался на своемъ жизненномъ пути, и это раззадаривало его.

Но, наконецъ, она сжалилась надъ нимъ и пришла въ Бабигонъ.

И тогда впервые онъ испыталъ несказанное блаженство быть любимымъ не какъ Царь, но какъ человѣкъ, быть любимымъ очаровательнымъ и ласковымъ созданіемъ, отдававшимъ ему свою душу и свое тѣло.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ блаженства, ее отняли у Царя: она уѣхала въ Неаполь. Но онъ продолжалъ ее любить и ежедневно писалъ ей. Онъ, конечно, могъ заставить ее вернуться и преодолѣть сопротивленіе. Графъ Шуваловъ и его агенты изъ Третьяго отдѣленія справлялись и съ болѣе трудными порученіями, остававшимися для всѣхъ тайной.

Въ это время за предѣлами Россіи совершались важныя событія. Австрія потерпѣла пораженіе при Садовой. Германскій союзъ перестраивался подъ владычествомъ Пруссіи. Положеніе Люксембурга таило близкое столкновеніе Франціи и Германіи. Возстаніе на Критѣ вновь ставило въ порядокъ дня Восточный вопросъ. Но и монархи—люди. Не всегда они носятъ короны на своихъ головахъ, не всегда „мысли объ ихъ подданныхъ и о собственной славѣ“ (слова Босюэта) стоятъ въ центрѣ ихъ вниманія.

И теперь, несмотря на воинственный шумъ оружія, наполнявшій тогда Европу, несмотря на тяжелыя государственныя заботы, въ душѣ Александра II естественно росло и крѣпло чувство любви. Раздуваемое разлукой, воспоминаніями и мечтами, это чувство обращалось въ лихорадочную страсть—исключительную, настойчивую, становилось неизлѣчимой болѣзнью, тѣмъ болѣе страшною, что оно переживалось уже немолодымъ человѣкомъ. Великій мастеръ латинской элегіи Проперцій въ классическихъ словахъ сказалъ:

„Поздняя любовь часто пылаетъ жаркимъ огнемъ“

И такая поздняя страсть всецѣло захватила Александра II; она обратилась въ главный импульсъ его жизни. Она подавила обязанности супруга и отца; она оказала вліяніе при рѣшеніи основныхъ политическихъ вопросовъ; она подчинила его совѣсть и всего его вплоть до его смерти.

Глава III.

Пріѣздъ Александра II въ Парижъ въ 1867 году.—Покушеніе Березовскаго.—Визитъ Императрицы Евгеніи.—Княжна Долгорукая пріѣзжаетъ въ Парижъ. — Возвращеніе княжны въ Петербургъ.—Княжна Долгорукая повсюду слѣдуетъ за Царемъ. — Императоръ Александръ II посвящаетъ княжну во всѣ политическія тайны. — Пребываніе въ Эмсѣ въ іюнѣ 1870 года; тайное соглашеніе Пруссіи и Россіи на случай франко-германской войны. — Пріѣздъ Тьера въ Петербургъ послѣ Седанскаго разгрома.

Въ іюнѣ 1867 года, уступая настойчивымъ приглашеніямъ Наполеона III, Александръ II посѣтилъ всемірную выставку. Въ сопровожденіи своихъ сыновей, Великихъ князей Александра и Владиміра, Императоръ Александръ II прибылъ въ Парижъ въ субботу, 1-го іюня, и остановился въ Елисейскомъ дворцѣ.

На слѣдующій день Александръ II присутствовалъ на скачкахъ, послѣ чего обѣдалъ въ Тюльери. 3-е іюня было посвящено отдыху. 4-го Царь посѣтилъ торжественное представленіе въ оперѣ. 5-го, во время посѣщенія „Sainte Chapelle“, группѣ французскихъ адвокатовъ пришла въ голову блестящая мысль крикнуть царю прямо въ лицо: „Да здравствуетъ Польша“. Въ четвергъ, 6-го, состоялся военный парадъ въ Лоншанъ, на которомъ присутствовалъ и Прусскій король. Когда Александръ возвращался съ парада, польскій эмигрантъ Березовскій два раза выстрѣлилъ въ Царя, ѣхавшаго въ каретѣ съ Наполеономъ III, — оба раза промахнувшись. Монархи отнеслись къ покушенію совершенно спокойно.

Годомъ раньше, Александръ II также спокойно встрѣтилъ выстрѣлъ Каракозова. Это спокойное мужество, столь часто проявляемое Александромъ II, не стоило ему никакихъ усилій, оно было прирожденнымъ и поддерживалось фатализмомъ и вѣрой въ Бога. Поэтому онъ

былъ очень изумленъ, когда, по возвращеніи въ Елисейскій дворецъ, ему сообщили о прибытіи императрицы Евгеніи.

Несчастная императрица была потрясена, и у нея дрожали руки. Французская имперія переживала тогда тяжелые дни. Роскошь всемірной выставки никого не вводила въ заблужденіе. Снаружи и внутри зданіе императорской Франціи давало повсюду трещины. Въ эти іюньскіе дни 1867 года извѣстія, полученныя изъ Мексики, не оставляли никакого сомнѣнія въ неизбѣжности предстоящей катастрофы. Императоръ Максимиліанъ былъ уже окруженъ въ Кверетаро; со дня на день ждали извѣстія о его гибели. Не меньше безпокойства внушала и Германія. Все это заставляло Наполеона III придавать особое значеніе посѣщенію Царя. Онъ надѣялся очаровать своего гостя, разсѣять его неудовольствіе, вызванное политикой Франціи въ польскомъ вопросѣ, и склонить его на свою сторону, чтобы задержать быстрый ростъ вліянія Пруссіи въ Европѣ. Посѣщеніе Царя, омраченное съ самаго начала оскорбительнымъ возгласомъ въ „Sainte Chapelle“, теперь заканчивалось покушеніемъ на убійство. Императрицѣ Евгеніи было отчего волноваться. Она, однако, совершила свою обычную ошибку, послушавшись перваго порыва своей экспансивной натуры. Когда Царь къ ней вышелъ, съ ней случился нервный припадокъ. Великіе Князья Александръ и Владиміръ уложили ее на диванъ, а Императоръ, взволнованный, позвалъ на помощь. Внезапно императрица поднялась, знакомъ объяснила, что она не можетъ говорить, и быстро уѣхала, не проронивъ ни слова.

Въ послѣдующіе дни возобновились балы и празднества, но они плохо клеились. Боясь новыхъ покушеній, старались ускорить отъѣздъ Александра II изъ Франціи.

Съ обычной любезностью Александръ II продолжалъ выражать искреннее удовлетвореніе пріемомъ и окружавшими его знаками вниманія. Однако, онъ бывалъ часто разсѣяннымъ, и его взоръ проявлялъ какую-то тревогу.

Французская полиція, конечно, хорошо знала, чѣмъ вызывалась тревога Царя.

Послѣ шестимѣсячной разлуки Екатерина Михайловна пріѣхала въ Парижъ.

Она поселилась въ скромной гостиницѣ на улицѣ Бассъ дю Рампаръ. Всякій вечеръ она приходила въ Елисейскій дворецъ черезъ калитку на углу авеню Габріель и авеню Мариньи.

Александръ II проводилъ съ нею все время, свободное отъ оффиціальныхъ пріемовъ и празднествъ. И въ тѣнистомъ саду Елисейскаго дворца, гдѣ нѣкогда любила гулять м-мъ де Помпадуръ, куда прибылъ непосредственно послѣ Ватерлоо Наполеонъ I, гдѣ онъ впервые созналъ безпредѣльность своего крушенія и пережилъ ужасъ безрадостнаго будущаго, въ этомъ саду Царь вновь подтвердилъ свою клятву, данную имъ въ Бабигонѣ: „При первой возможности я женюсь на тебѣ, ибо навѣки считаю тебя женой своей передъ Богомъ".

Онъ сдѣлалъ ей еще одно лестное для нея признаніе: „Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ тебя, другія женщины перестали для меня существовать... Въ теченіе цѣлаго года, когда ты отталкивала меня, а также и въ теченіе того времени, что ты провела въ Неаполѣ, я не желалъ и не приблизился ни къ одной женщинѣ".

* * *

Съ этихъ поръ ихъ связь окончательно упрочилась.

Въ С.-Петербургѣ Екатерина Михайловна вновь поселилась у своего брата, но на этотъ разъ въ чудесномъ особнякѣ на Англійской набережной. Она заняла первый этажъ особняка, имѣя отдѣльную прислугу и свой выѣздъ. Это позволило ея брату Михаилу Михайловичу Долгорукому съ большимъ достоинствомъ выполнять ту трудную и двусмысленную роль, которую онъ долженъ былъ играть въ качествѣ брата фаворитки.

Во время пребыванія Царя въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ и въ Ливадіи, Екатерина Михайловна жила въ этихъ мѣстахъ на дачѣ.

Въ Зимнемъ дворцѣ бывшій кабинетъ Николая I вновь открылъ свои гостепріимныя для нихъ двери.

Въ Царскомъ Селѣ они встрѣчались въ маленькой комнатѣ, расположенной въ концѣ флигеля, выходящаго на цвѣтникъ Екатерины II. Обстановка комнаты была

болѣе, чѣмъ скромная; комната, освѣщаемая однимъ окномъ, выходила непосредственно въ прихожую личныхъ аппартаментовъ Царя; въ ней стояла лишь кровать, два стула, столъ и туалетный столикъ.

Въ Петергофѣ свиданія происходили въ дорогомъ для нихъ Бабигонѣ.

Въ Ливадіи, гдѣ въ то время царскій дворецъ состоялъ лишь изъ скромнаго деревяннаго домика, Александръ II приходилъ на дачу Екатерины Михайловны.

* * *

Вся поглощенная своей любовью, Екатерина Михайловна вела скромный и замкнутый образъ жизни.

Она никогда не присутствовала на званыхъ обѣдахъ, не ѣздила въ театръ. Она посѣщала лишь тѣ балы, на которыхъ бывалъ и Императоръ, т. к. она великолѣпно танцовала, и смотрѣть на ея танцы доставляло ему большое наслажденіе.

Александръ II назначилъ ее фрейлиной Императрицы, дабы она могла бывать при дворѣ и украшать своимъ присутствіемъ торжественные пріемы. Покинутая Царица, высокомѣрно-сухо и съ холодной улыбкой приняла привѣтствія своей молодой соперницы. Она сильно ошибалась въ оцѣнкѣ новой измѣны своего супруга, видя въ ней лишь обычное увлеченіе, которое скоро ему надоѣстъ. Да и могла ли она думать иначе? Ея гордость и прямота, воспоминанія взаимной любви, все это мѣшало ей почуять страшную клятву, данную Александромъ II въ Бабигонѣ: „При первой возможности я женюсь на тебѣ". Возможность эта заключалась въ ея смерти!

Частыя встрѣчи возлюбленныхъ наполняли ихъ рѣдкимъ счастьемъ. Александръ Николаевичъ сумѣлъ создать изъ неопытной дѣвушки упоительную возлюбленную. Она принадлежала ему всецѣло. Она отдала ему свою душу, умъ, воображеніе, волю, чувства. Они безъ устали говорили другъ съ другомъ о своей любви. „Любовники потому никогда не скучаютъ", писалъ Ла-Рошефуко, „что они всегда говорятъ о самихъ себѣ".

Однако, скоро и политическіе вопросы стали предметомъ ихъ бесѣдъ. Они занимали слишкомъ большое мѣсто въ жизни Царя, возбуждали слишкомъ много его заботъ, чтобы онъ могъ замалчивать ихъ передъ Екатериной Михайловной.

Александръ II съ наслажденіемъ посвящалъ ее въ сложные государственные вопросы, верховнымъ судьей которыхъ онъ былъ. Мало по малу онъ началъ съ ней совѣтоваться обо всемъ, не принимая безъ нея ни одного важнаго рѣшенія. Онъ говорилъ съ нею о самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ, объ общемъ управленіи Имперіей, о дипломатическихъ переговорахъ, объ административныхъ реформахъ, объ организаціи арміи, полиціи, о работахъ министровъ, о повышеніяхъ по службѣ, о наградахъ, выговорахъ, придворныхъ интригахъ, о спорахъ и неладахъ въ царской семьѣ, обо всемъ томъ, что, благодаря самодержавію, тяжелой ношей ложилось на его плечи. Обладая яснымъ умомъ, трезвымъ взглядомъ и точной памятью, Екатерина Михайловна безъ труда принимала участіе въ такихъ бесѣдахъ. Иногда даже мѣткимъ замѣчаніемъ она помогала Государю найти правильное рѣшеніе.

Самой большой услугой ея было однако то, что Царь при ней могъ думать вслухъ.

Глубокое сознаніе своей власти и своей отвѣтственности заставляло Александра II замыкаться въ себѣ. Онъ подолгу совѣщался со своими министрами, онъ требовалъ отъ нихъ полной искренности, вызывая часто ихъ на возраженія. Но никогда не позволялъ онъ имъ принимать самостоятельныя рѣшенія. Онъ боялся унизить себя въ ихъ глазахъ, открывъ имъ свои сомнѣнія, тревоги, всю предварительную работу, предшествующую окончательному рѣшенію. И это окончательное рѣшеніе онъ высказывалъ имъ, какъ проявленіе его самодержавной воли.

Въ противоположность этому съ Екатериной Михайловной онъ могъ обсуждать эти вопросы безъ боязни. Ей онъ довѣрялъ вполнѣ. Онъ понималъ, что она существовала только для него и что за ея спиной не таилось никакихъ интригъ. Никто никогда не узнавалъ, о чемъ они говорили другъ другу. И при всякомъ трудномъ политическомъ вопросѣ, волновавшемъ Царя, онъ вмѣстѣ съ нею

находилъ правильное рѣшеніе. Уже одно то обстоятельство, что онъ могъ свободно высказываться, давало ему возможность находить болѣе отчетливое рѣшеніе вопросовъ.

* * *

Скоро свиданія съ Екатериной Михайловной обратились для Александра II въ необходимость. Онъ хотѣлъ, чтобы она его повсюду сопровождала, въ частности въ его ежегодныхъ поѣздкахъ на воды въ Эмсъ.

Императоръ со своей свитой занималъ отель Катръ-Туръ, а княжна Долгорукая и сопровождавшая ее госпожа Ш. останавливались въ сосѣдней виллѣ „Petit Elisée". Въ іюнѣ 1870 года на этой виллѣ Екатерина Михайловна была посвящена въ государственныя тайны, за которыя дорого бы заплатило французское правительство.

Я имѣю въ виду важные переговоры, которые происходили въ то время между Александромъ II, Вильгельмомъ I, княземъ Горчаковымъ и Бисмаркомъ. Августѣйшій другъ Екатерины Михайловны объяснилъ ей всю запутанность европейскаго положенія. Онъ разсказалъ о неизбѣжности военнаго столкновенія и вытекающей отсюда необходимости для Россіи возобновить свой союзъ съ Пруссіей, обезпечивъ Россіи нѣкоторыя преимущества на Востокѣ.

Мѣсяцъ спустя, когда кандидатура Гогенцоллерна сыграла роль спички въ пороховомъ погребѣ, Александръ сказалъ Екатеринѣ Михайловнѣ:

„Видишь, я былъ правъ! .. Вина Франціи несомнѣнна".

Его увѣренность нѣсколько измѣнилась послѣ Седана. Внезапное крушеніе императорской Франціи, побѣдоносное шествіе германской арміи къ Парижу, бѣшеное развитіе германскаго націонализма, неожиданное и чрезмѣрное усиленіе Пруссіи, заставили его задуматься. Несмотря, однако, на все это, его личныя симпатіи оставались на сторонѣ его дяди Вильгельма, и онъ ихъ открыто проявлялъ. Къ тому же Царь считалъ себя неразрывно связаннымъ съ Пруссіей Эмскимъ соглашеніемъ.

29-го сентября онъ принялъ Тьера, который умолялъ его стать во главѣ нейтральныхъ государствъ, дабы обуз-

дать вожделѣнія Германіи и принудить ее уважать европейское равновѣсіе.

Многіе полагали, что Тьеръ сдѣлалъ неправильные выводы изъ пріема, оказаннаго ему Царемъ; говорятъ, что онъ приписалъ слишкомъ большое значеніе сочувственнымъ, любезнымъ и похвальнымъ словамъ, которыя относились не столько къ Тьеру, какъ представителю Франціи, сколько къ нему лично, выдающемуся государственному дѣятелю, заслужившему всеобщее уваженіе.

А между тѣмъ, лишь только аудіенція была кончена, Александръ II слѣдующими словами охарактеризовалъ представителя Франціи:

„Онъ глубоко заинтересовалъ меня. Какой поразительный умъ!.. И какая вѣра въ возрожденіе Франціи. Онъ такъ увѣренъ въ ея быстромъ возрожденіи, что предложилъ даже мнѣ союзъ... Это благородный человѣкъ и большой патріотъ. Я охотно бы сдѣлалъ что-нибудь для него".

Но Александръ II не сдѣлалъ ничего. Онъ не понималъ еще тогда той опасности, которую представляетъ для Россіи созданіе Великой Единой Германіи. Понялъ онъ это три съ половиной года спустя, когда наступилъ кризисъ 1875 года.

Глава IV.

Беременность Екатерины Михайловны. — Тайные роды въ Зимнемъ дворцѣ. — Возмущеніе Царской семьи и опасенія за будущность династіи. — Рѣзкое осужденіе свѣтскаго общества. — Вторая беременность фаворитки. — Поведеніе Царя возбуждаетъ вновь негодованіе. — Графъ Шуваловъ докладываетъ Царю о неудовольствіи, возбуждаемомъ его связью. — Отставка графа Шувалова и назначеніе его посломъ въ Лондонъ. — Вопросъ о гражданскомъ состояніи незаконныхъ дѣтей. — Тайнымъ указомъ Александръ II возводитъ дѣтей въ княжеское достоинство и даетъ имъ фамилію Юрьевскихъ. — Франко-Германскій кризисъ въ 1875 году; воинственная политика Бисмарка. — Личное рѣшающее вмѣшательство Александра II въ пользу Франціи. — Екатерина Михайловна сопровождаетъ Александра II въ Берлинъ. — Третья беременность.

Къ концу осени 1871 года важное событіе въ жизни Александра Николаевича и Екатерины Михайловны грозило нарушить ихъ спокойное счастье. Екатерина Михайловна почувствовала себя беременной.

Въ ней это событіе вызвало лишь радость, гордую и восторженную радость перваго материнства. Но Александръ II былъ потрясенъ.

Онъ былъ испуганъ этимъ извѣстіемъ, считая, что материнство Екатерины Михайловны будетъ публичнымъ доказательствомъ ея безчестья. Правда, страхъ передъ тайной полиціей внушалъ такое почтеніе по отношенію къ особѣ Государя, что можно было быть спокойнымъ, что никто не рѣшится открыто злословить. Но чего только не будутъ говорить полушопотомъ при закрытыхъ дверяхъ?!

Его угнетала и другая мысль, ничего общаго съ моралью не имѣвшая. Въ страсти, питаемой имъ къ Екатеринѣ Михайловнѣ, значительную роль играло эстетическое чувство. Онъ видѣлъ въ ней совершенный образъ женщины, и онъ боялся, что этотъ совершенный образъ исказится въ беременности и родахъ. И, наконецъ, суевѣрное предчувствіе говорило ему, что роды подвергнутъ ея жизнь смертельной опасности.

Все, однако, обошлось благополучно. Беременность протекала нормально, безъ всякихъ осложненій. Внѣшній видъ Екатерины Михайловны такъ мало измѣнился, что даже невѣстка ея, въ особнякѣ которой она занимала отдѣльное помѣщеніе, не подозрѣвала о ея беременности.

Счастливый случай сдѣлалъ то, что стройная фигура Екатерины Михайловны совершенно не измѣнилась. Это доказываетъ фотографія, снятая на восьмомъ мѣсяцѣ.

29-го апрѣля (11-го мая) 1872 года, подъ вечеръ, Екатерина Михайловна почувствовала первыя предродовыя схватки. Желая сохранить все въ абсолютной тайнѣ, Александръ II рѣшилъ, что при первыхъ схваткахъ Екатерина Михайловна переѣдетъ въ Зимній Дворецъ въ частные покои Николая I, бывшіе обычнымъ мѣстомъ ихъ свиданій. Эта часть дворца была совершенно скрыта извилистыми коридорами, потайной лѣстницей и строгимъ запрещеніемъ проникать туда.

Не предупредивъ ни свою невѣстку, ни даже горничную, молодая женщина одна отправилась въ каретѣ въ Зимній Дворецъ, проникнувъ туда по обыкновенію черезъ низенькую дверь, ключъ отъ которой хранился у нея.

Предупрежденный объ ея пріѣздѣ Императоръ немедленно пришелъ къ ней и провелъ съ нею около часу. Внезапно боли утихли. Рѣшивъ, что тревога была ложной, Екатерина Михайловна забылась на простомъ диванѣ, обитомъ синимъ репсомъ, въ тяжеломъ снѣ. Въ комнатѣ не было кровати, и вся обстановка сохраняла тотъ же видъ, какой она имѣла при Николаѣ I.

Убѣдившись, что боли прошли, Александръ Николаевичъ вернулся въ свои покои и также легъ спать. Екатерина Михайловна осталась совершенно одна. Въ ея распоряженіи былъ лишь ветеранъ-гренадеръ, стоявшій на часахъ у двери ея комнаты.

Старикъ - солдатъ разбудилъ въ 3 часа ночи Царя. Довѣренный слуга бросился за докторомъ Крассовскимъ и повивальной бабкой.

Острыя родовыя схватки смѣняли одна другую. А врачебной помощи все еще не было, такъ какъ докторъ жилъ далеко.

Съ минуты на минуту состояніе Екатерины Михайловны, корчившейся въ мукахъ на диванѣ, становилось все болѣе тревожнымъ. Александръ II, блѣдный отъ волненія, держалъ ее за руки и нѣжно ободрялъ.

Наконецъ, явился д-ръ Крассовскій въ сопровожденіи повивальной бабки. Онъ не успѣлъ еще осмотрѣть больную, какъ царь тономъ, которымъ онъ обычно давалъ приказанія, сказалъ ему:

„Если нужно, пожертвуйте ребенкомъ, но ее спасите во что бы то ни стало".

Долго длились мучительные роды. Лишь къ половинѣ десятаго утра Екатерина Михайловна родила сына.

Это было въ воскресенье, и Государь долженъ былъ ее оставить: весь дворъ ожидалъ его къ обѣднѣ. Здоровый и красивый ребенокъ получилъ при крещеніи имя Георгія. Въ тотъ же день его перевезли въ Мошковъ переулокъ, гдѣ жилъ генералъ Рылѣевъ, начальникъ личной охраны Царя. Это мѣсто было избрано потому, что оно было довольно глухимъ и что проживаніе тамъ генерала Рылѣева дѣлало естественнымъ присутствіе жандармской охраны, не позволявшей никому задерживаться на этой улицѣ.

Новорожденный былъ порученъ заботамъ русской кормилицы и гувернантки - француженки.

* * *

Несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, слухъ о родахъ быстро распространился.

Германскій посолъ, князь Рейсъ, окружившій Царя замѣчательно организованной сѣтью шпіонажа, узналъ объ этомъ первый. Онъ и сообщилъ объ этомъ невѣсткѣ Екатерины Михайловны, для которой это извѣстіе, несмотря на то, что о связи Государя съ Екатериной Михайловной она была освѣдомлена лучше другихъ, явилось полной неожиданностью.

Императорская семья и особенно приближенные Цесаревича были потрясены. Любимые братья Императора, Великіе князья Константинъ и Николай и особенно уважаемая Александромъ II кузина его, Великая Княгиня

Елена Павловна, были страшно взволнованы. Къ ихъ горечи и возмущенію присоединились еще и предчувствія опасностей, которыя угрожали существованію династіи, въ случаѣ введенія въ Царскую семью этого незаконнорожденнаго ребенка.

Императрица Марія, конечно, не послѣдняя узнала объ этомъ событіи. Но она оставалась молчаливой, холодной и замкнутой, ни съ кѣмъ не дѣлясь своими мыслями. Ея болѣзнь, однако, съ этого времени быстро стала развиваться.

Волненіе въ Императорской семьѣ скоро передалось и аристократическимъ кругамъ С.-Петербурга и Москвы. Особенно много вниманія рожденію незаконнорожденнаго сына Государя удѣляли въ семьѣ князя Паскевича, женатаго на графинѣ Воронцовой, князя Щербатова, женатаго на графинѣ Паниной, князя Орлова - Давыдова, женатаго на княгинѣ Барятинской, князя Воронцова - Дашкова, женатаго на графинѣ Шуваловой и у княгини Куракиной, приближенной Цесаревны. Въ этихъ кругахъ строго осуждали поведеніе Государя. Если раньше закрывали глаза на его связь, то теперь эти круги скандализовала невозможность ее игнорировать. Возмущались тому, что 54 лѣтній монархъ, бывшій уже дѣдомъ, не можетъ обуздать своихъ страстей. Шокировала и громадная разница возраста Александра Николаевича и Екатерины Михайловны. Не безъ тревоги думали о томъ, не явится ли, въ виду тяжкой болѣзни Императрицы, сегодняшняя фаворитка завтрашней законной супругой, если она даже и не пожелаетъ подняться выше.

Неудовольствіе еще усилилось, когда къ концу 1873 г. сдѣлалось извѣстнымъ, что фаворитка родила второго ребенка — дѣвочку, получившую имя Ольги.

На этотъ разъ Императору стало извѣстнымъ то неудовольствіе, которое возбуждалось открытостью его связи. Графъ Петръ Шуваловъ, управляющій Третьимъ отдѣленіемъ, имѣлъ смѣлость сообщить объ этомъ Царю. Никто не могъ лучше выполнить этого деликатнаго порученія. Прежде всего, графъ Шуваловъ былъ обязанъ сдѣлать это по долгу службы, такъ какъ въ его обязанности входило слѣдить за отношеніемъ общества къ особѣ

Государя, а затѣмъ онъ могъ опираться и на свой нравственный авторитетъ, основывающійся не столько на его служебномъ положеніи, сколько на его происхожденіи, богатствѣ и личныхъ качествахъ. Несмотря на все довѣріе, которое питалъ къ Шувалову Царь, онъ выслушалъ его холодно и надменно и, казалось, нисколько не былъ смущенъ тѣмъ, что говорятъ и думаютъ о его личной жизни.

Нѣсколько времени спустя, управляющій третьимъ отдѣленіемъ, великій инквизиторъ Русской Имперіи, совершилъ однако серьезную оплошность. Онъ забылъ, что система доносовъ, такъ успѣшно имъ организованная во всѣхъ слояхъ общества, примѣнялась также и къ нему. Бесѣдуя однажды вечеромъ къ кругу своихъ близкихъ друзей, на которыхъ онъ, какъ ему казалось, могъ вполнѣ положиться, онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ мнѣній по адресу Екатерины Михайловны. Онъ говорилъ, что Государь находится всецѣло подъ ея властью и способенъ на всякія безумства, чтобы доказать ей свою любовь; онъ такъ разошелся, что даже сказалъ: „Но я справлюсь съ этой дѣвченкой".

На другой же день этотъ разговоръ былъ переданъ генералу Рылѣеву, который поспѣшилъ сообщить о немъ Государю.

Александръ II не сдѣлалъ никакого замѣчанія Шувалову, но въ тайнѣ рѣшилъ удалить его отъ себя и устранить отъ завѣдыванія охраной.

Вскорѣ, когда въ началѣ іюня 1874 года царь находился въ Эмсѣ, управляющій третьимъ отдѣленіемъ прибылъ къ нему съ обычнымъ докладомъ. Императоръ встрѣтилъ его сердечными словами:

„Поздравляю тебя, Петръ Андреевичъ".

— Смѣю спросить, чѣмъ вызваны поздравленія Вашего Величества? —

„Я только что тебя назначилъ своимъ посломъ въ Лондонъ."

Нѣсколько сдавленнымъ голосомъ Шуваловъ разсыпался въ благодарностяхъ. Въ преемники Шувалову по руководству тайной полиціей Императоръ назначилъ не высокопоставленное лицо, какимъ были Петръ Андреевичъ и его предшественники Бенкендорфъ, Долгорукій, Орловъ,

а скромнаго офицера, генерала Потапова. Онъ долженъ былъ быть при всѣхъ обстоятельствахъ слѣпымъ орудіемъ Царской воли.

* * *

Александръ II былъ чрезвычайно озабоченъ судьбой своихъ незаконныхъ дѣтей. Желая скрыть ихъ происхожденіе, онъ приказалъ ихъ тайно окрестить и изъ особой предосторожности собственноручно уничтожилъ актъ крещенія.

Однако, вскорѣ ему стали ясными всѣ тѣ неудобства и униженія, съ которыми придется столкнуться его по плоти и по крови дѣтямъ, если какъ-нибудь не будетъ установлено ихъ гражданское положеніе.

Основные законы Имперіи предоставляли ему неограниченныя возможности. 1-я ст. этихъ законовъ гласила: „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. — Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ". А ст. 70-я дополняла 1-ю слѣдующимъ положеніемъ: „Высочайшій указъ, по частному дѣлу послѣдовавшій, или особенно на какой-либо родъ дѣлъ состоявшійся, по сему именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствія законовъ общихъ."

По смыслу этихъ законовъ всякое рѣшеніе, носящее подпись Царя, имѣло силу закона, внѣ зависимости отъ того, какіе вопросы разрѣшались Царскимъ указомъ. По общему правилу Императорскіе указы должны бы быть опубликованы Правительственнымъ Сенатомъ, который, несмотря на свой громкій титулъ, былъ лишь судебнымъ учрежденіемъ и имѣлъ функціи пересматривать состоявшееся рѣшеніе судовъ, а также опубликовывать законы. Государь, однако, имѣлъ право рѣшать, чтобы тотъ или иной изъ его указовъ не былъ объявляемъ никому.

При такихъ условіяхъ Александръ могъ легко создать своимъ незаконнымъ дѣтямъ законное гражданское положеніе.

Нѣкоторое время онъ колебался надъ вопросомъ о томъ, какую дать имъ фамилію. Самымъ простымъ казалось

бы закрѣпить за ними имя матери, славное имя Долгорукихъ. Но Александръ не хотѣлъ, чтобы его дѣти силой были прикрѣплены къ мужской линіи рода, который могъ отъ нихъ отречься. Ихъ отцомъ былъ Романовъ и поэтому было естественно образовать изъ нихъ новую вѣтвь, которая распустилась бы, какъ свѣжая прививка на старомъ родословномъ деревѣ. Но при такомъ рѣшеніи создавалось бы впечатлѣніе, что мать отказывается отъ нихъ.

По мужской линіи своего рода Екатерина Михайловна происходила отъ Рюрика и Владиміра Мономаха. Однимъ изъ наиболѣе славныхъ ея предковъ былъ князь Юрій Долгорукій, восьмой сынъ Владиміра Мономаха, основавшій въ 1147 году Москву. Вдохновленный этими историческими воспоминаніями, Александръ II пожаловалъ своимъ незаконнымъ дѣтямъ имя „Юрьевскихъ", присовокупивъ къ нему титулъ свѣтлѣйшихъ князей.

11/23 іюля 1874 года онъ собственноручно составилъ указъ, который долженъ былъ оставаться въ тайнѣ и поручилъ храненіе его своему вѣрному адъютанту, генералу Рылѣеву. Этотъ указъ гласилъ:

Указъ правительствующему Сенату.

Малолѣтнимъ Георгію Александровичу и Ольгѣ Александровнѣ Юрьевскимъ даруемъ мы права, присущія дворянству, и возводимъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшихъ.

Александръ.

Царское Село, 11-го іюля 1874 года".

Этимъ указомъ Александръ II не только давалъ имъ фамилію, связывающую ихъ съ родомъ ихъ матери, но, называя ихъ Александровичами, какъ бы открыто признавалъ своими дѣтьми.

* * *

Петръ Шуваловъ, въ неосторожныхъ словахъ заявившій, что Государь смотритъ на все глазами своей фаворитки, не преувеличивалъ. Надо, однако, къ этому прибавить, что Екатерина Михайловна видѣла всѣ вещи въ томъ свѣтѣ, въ которомъ ихъ ей показывалъ ея Авгу-

стѣйшій Другъ, и что такимъ образомъ Александръ II находилъ въ ней лишь отраженіе своихъ собственныхъ взглядовъ.

Одного факта достаточно, чтобы показать, какъ посвящалъ Александръ II ее въ важнѣйшіе политическіе вопросы.

1875 годъ начался съ плохого предзнаменованія. Столкновеніе между Франціей и Германіей казалось неизбѣжнымъ.

Ссылаясь на нѣкоторыя выступленія французскихъ епископовъ въ борьбѣ Германской Имперіи съ католической церковью, Бисмаркъ обвинялъ Францію въ желаніи нарушить миръ и подготовить реваншъ. Вскорѣ обнаружились и тѣ цѣли, которыя Бисмаркъ преслѣдовалъ въ своей клеветнической тактикѣ. Князь Горчаковъ, взволнованный происходящимъ, преподалъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ совѣты умѣренности. Атмосфера нѣсколько прояснилась. Но вскорѣ германская печать возобновила свои нападки на Францію. Тогда Александръ II почувствовалъ, что лишь онъ одинъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ можетъ обуздать германскую заносчивость, и онъ рѣшилъ безъ замедленія отправиться въ Германію на свиданіе со своимъ дядей Вильгельмомъ I.

Несмотря на то, что его отсутствіе должно было быть очень непродолжительнымъ, несмотря на всю важность предстоящихъ переговоровъ, несмотря на то, что эти переговоры и оффиціальные пріемы должны будутъ отнять у него много времени, Александръ II рѣшилъ все-таки ѣхать вмѣстѣ съ Екатериной Михайловной.

28-го апрѣля (10-го мая) онъ въ сопровожденіи князя Горчакова прибылъ въ Берлинъ и остановился въ зданіи своего посольства на Унтеръ-денъ-Линденъ. Княжна Долгорукая, пріѣхавшая въ тотъ же день, поселилась въ сосѣдней гостиницѣ.

Императоръ Вильгельмъ немедленно принялъ Государя, который открыто заявилъ, что онъ не потерпитъ нападенія на Францію. Престарѣлый Вильгельмъ съ кроткой улыбкой отвѣтилъ, что онъ объ этомъ и не думаетъ, но тотчасъ же въ суровыхъ выраженіяхъ началъ осуждать французское правительство и народъ. При этомъ онъ

сослался на своего канцлера, который подробно изложитъ Александру II причины неудовольствія, возбуждаемаго Франціей.

На слѣдующій день Бисмаркъ въ зданіи русскаго посольства былъ принятъ Александромъ II. Бесѣда длилась долго и имѣла рѣшающее значеніе.

Простившись со своимъ посѣтителемъ, Александръ II прошелъ въ отведенную ему комнату. Вѣрный своимъ скромнымъ привычкамъ, онъ отказался занять парадные покои, выходящіе окнами на улицу, и остановился въ маленькой, скверно меблированной комнатѣ съ окнами во дворъ.

Въ этой комнатѣ ждала его кн. Долгорукая. И онъ ей тотчасъ же передалъ содержаніе своего разговора съ Бисмаркомъ: „Бисмаркъ угостилъ меня своими запутанными разсужденіями, которыя онъ уже изложилъ вчера Горчакову. Я далъ ему высказаться. Но категорически предупредилъ его, что ни подъ какимъ предлогомъ не позволю напасть на Францію. „Если я не сохраню нейтралитета, сказалъ я ему, Германія безсильна что либо сдѣлать. Такъ знайте же: я не останусь нейтральнымъ...“ Тогда онъ попытался мнѣ доказать, что Франція представляетъ опасность для германскаго народа, такъ какъ она слишкомъ быстро оправляется. Нужно поэтому поспѣшить образумить ее до того, что она успѣетъ возстановить свои военныя силы. Онъ дошелъ даже до того, что сказалъ мнѣ: „Сегодня еще мы безъ труда можемъ вступить въ Парижъ. Скоро это сдѣлается невозможнымъ“. Я прервалъ его, вновь повторивъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что я никогда не допущу нападенія на Францію. Онъ тутъ же началъ мнѣ клясться, что онъ лично не питаетъ никакихъ воинственныхъ замысловъ... Не правда ли, я выбралъ правильный тонъ для разговора съ нимъ?“

Въ тотъ же вечеръ на придворномъ балу Александръ II съ полной искренностью заявилъ нашему послу, графу Гонто-Биронъ:

„Вы можете быть вполнѣ спокойны, императоръ увѣрилъ меня, что онъ не думаетъ о войнѣ, и онъ направитъ всѣ свои усилія для сохраненія мира“.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Деказъ, освѣдомленный о милостивыхъ словахъ Царя, точно оцѣнивалъ ихъ значеніе. Онъ писалъ Гонто-Бирону: „Мы избѣгли страшной опасности. Насъ хотѣли заставить разоружиться или подвергнуться новому нападенію. Намъ необходима была внѣшняя поддержка. Могли ли мы на нее надѣяться? Старая Европа, наконецъ, пробуждается".

Обрадованный успѣшностью своей поѣздки и особенно тѣмъ, что ему удалось сохранить миръ, Александръ II вернулся въ С.-Петербургъ. Его встрѣтила тамъ весна, прелестная на русскомъ сѣверѣ.

Іюнь близился къ концу, когда кн. Долгорукая вновь почувствовала себя беременной, въ третій разъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. 11/23-го марта 1876 года она родила сына, нареченнаго Борисомъ, который, однако, умеръ черезъ нѣсколько дней отъ дѣтской болѣзни.

Глава V.

Возстаніе на Балканахъ въ 1876 году. — Возбужденіе, вызванное этимъ возстаніемъ въ Россіи.—Отвращеніе къ войнѣ у Александра II. — Александру II не удается избѣжать войны.—Пребываніе Александра II въ Кишиневѣ.—Пріѣздъ въ Кишиневъ княжны Долгорукой.—Проливные дожди задерживаютъ переправу русскихъ войскъ черезъ Дунай.— Военные успѣхи. — Радость въ Россіи. — Письма Александра II къ Екатеринѣ Михайловнѣ: физическое и моральное отвращеніе Александра II къ войнѣ.

Въ 1876 году Россію захватила націоналистическая горячка. Балканскій полуостровъ былъ охваченъ пламенемъ и залитъ кровью. Отъ Дуная до Эгейскаго моря болгары, боснійцы, черногорцы и сербы въ отчаяніи пытались сбросить съ себя турецкое иго.

Краснорѣчіе Аксакова, Самарина, Каткова, Тютчева взволновало общественное сознаніе и оживило идеи панславизма. Въ опьяняющей атмосферѣ Московскаго Кремля говорили лишь о Византіи, о Царьградѣ, Золотомъ Рогѣ, Св. Софіи, завѣщаніи Петра Великаго и объ исторической миссіи русскаго народа. Приводили слова Аксакова, утверждавшаго, что исторія Россіи такъ же значительна, какъ священное писаніе, и что къ ней должно относиться, какъ къ житіямъ святыхъ. Вскорѣ всѣ слои общества отъ дворянства до крестьянъ и отъ интеллигенціи до купцовъ были охвачены націоналистическимъ бредомъ.

Немногіе уцѣлѣли отъ этой заразы. Еще меньше было тѣхъ, кто открыто съ ней боролся. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, князь Вяземскій съ изумительнымъ ясновидѣніемъ писалъ своему другу: „Все, что собираются дѣлать для рѣшенія восточнаго вопроса, кажется мнѣ какимъ-то кошмаромъ. Неужели мы должны жертвовать нашей жизнью и кровью, а, быть можетъ, также и нашимъ будущимъ, для процвѣтанія сербовъ и болгаръ?

Пусть сербы борются за сербовъ, болгары за болгаръ, русскіе за русскихъ. Безуміе — считать себя больше славянами, чѣмъ русскими. Религія тутъ не при чемъ. Религіозная война — худшая изъ войнъ. Это нелѣпость и анахронизмъ. Нельзя турокъ осуждать за то, что Богъ ихъ создалъ мусульманами, и требовать отъ нихъ христіанскихъ добродѣтелей. Это нелѣпо. Изгоните ихъ изъ Европы, если вы это можете, окрестите ихъ, если вы знаете, какъ за это приняться. Если же нѣтъ, то оставьте въ покоѣ и турокъ, и восточный вопросъ".

Эти взгляды совпадали съ личными взглядами Александра II. Онъ много разъ развивалъ ихъ своимъ министрамъ. Онъ говорилъ о нихъ и Екатеринѣ Михайловнѣ, прибавляя къ этимъ политическимъ соображеніямъ и признаніе своего непреодолимаго отвращенія къ войнѣ. Но воля даже самаго могущественнаго самодержца ничто въ сравненіи съ таинственными, глубокими, безсознательными импульсами, вѣками накопляющимися въ душѣ народа.

Во второй половинѣ марта 1877 года Царь не смогъ болѣе противиться общему желанію. Исчезали послѣдніе шансы на мирный исходъ. Переговоры между С.-Петербургомъ и Константинополемъ носили характеръ пустой формальности. Русскія войска накоплялись въ Бессарабіи и на южной границѣ Кавказа. И теперь, когда жребій былъ брошенъ, надо было мужественно встрѣтить испытаніе.

28 марта Александръ II, производившій смотръ войскамъ на Югѣ Россіи, писалъ кн. Долгорукой:

„Изъ письма моего брата*) я съ радостью вижу, что войска смогутъ выступить, лишь только будетъ отданъ приказъ. Да поможетъ намъ Богъ и да благословитъ онъ наше оружіе! Ты лучше другихъ поймешь, что я чувствую, ожидая начала войны, которой я такъ хотѣлъ избѣжать."

На слѣдующій день Александръ II вновь писалъ:

„Я получилъ подтвержденіе отклоненія протокола; но ни одного слова о пріѣздѣ посла, что, вѣроятно, будетъ отклонено. Лишь тогда мы сможемъ опредѣлить время начала военныхъ дѣйствій и обнародованія манифеста. Признаюсь, что все это преслѣдуетъ меня, какъ кошмаръ".

*) Великаго князя Николая Николаевича, который долженъ былъ быть назначенъ Главнокомандующимъ.

Съ этого времени событія идутъ быстрымъ темпомъ. 11/23 апрѣля русскій повѣренный въ дѣлахъ Нелидовъ передалъ въ Константинополѣ Великому Визирю объявленіе войны. Въ этотъ же день Бессарабская Армія подъ командованіемъ Великаго князя Николая перешла Прутъ и направилась къ Дунаю. Одновременно съ ней Кавказская Армія подъ командой Великаго князя Михаила вступила въ Турецкую Арменію. Въ четвертый разъ за 68 лѣтъ, двуглавый орелъ, унаслѣдованный Московіею отъ Византіи, нападалъ на Турцію.

* * *

Общественное мнѣніе въ Россіи, нетерпѣливое и возбужденное, испытало сразу разочарованіе.

Переправа войскъ черезъ Дунай шла чрезвычайно медленно въ виду того, что въ распоряженіи генеральнаго штаба было всего двѣ проселочныхъ и одна желѣзная дорога. Положеніе ухудшалось скверной погодой. Въ теченіе мая проливные дожди обратили молдавскую равнину въ громадное болото, въ которомъ войска изнемогали и которое служило громаднымъ препятствіемъ къ правильной организаціи доставки снабженія. Почти мѣсяцъ ушелъ на то, чтобы переправить 233 000 человѣкъ на лѣвый берегъ Дуная; стратегическое развертываніе закончилось лишь къ концу мая.

Тогда началась самая трудная операція переправы черезъ рѣку.

Слѣдуя примѣру своего отца, Николая I, лично присутствовавшаго въ 1828 году при переправѣ, Александръ II рѣшилъ отправиться къ войскамъ.

12/24 апрѣля онъ прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ собственноручно подписалъ первый приказъ о выступленіи. Въ торжественномъ манифестѣ Царь обратился къ солдатамъ, благословляя ихъ, какъ собственныхъ дѣтей, на выступленіе противъ Турціи.

Александръ II остался самъ въ Кишиневѣ въ ожиданіи сконцентрированія арміи на сѣверномъ берегу Дуная. 23-го апрѣля (5-го мая) къ нему пріѣхала кн. Долгорукая.

Въ серединѣ мая Великій князь Николай извѣстилъ его, что переправа назначена на 25-е мая (6-е іюня) и что она состоится въ Зимницѣ, противъ Систова.

24-го мая (5-го іюня) царь выѣхалъ къ мѣсту переправы.

Прощаніе Александра II съ кн. Долгорукой было очень тяжелымъ. Они мало говорили другъ съ другомъ и глаза ихъ не увлажнились слезами. Въ глубокомъ волненіи они не могли говорить, такъ какъ словами нельзя было выразить того, что они чувствовали. Они приникли лишь другъ къ другу, и въ долгомъ поцѣлуѣ имъ казалось, что они прощаются навѣки.

Въ сопровожденіи своихъ трехъ сыновей, Великихъ князей Александра, Владиміра и Сергѣя, канцлера князя Горчакова, военнаго министра генерала Милютина, бывшаго посла въ Константинополѣ генерала Игнатьева, Государь 25-го мая (6-го іюня) прибылъ въ Плоешти (вблизи Бухареста).

Тамъ его ожидала большая непріятность. Возобновившійся нѣсколько дней тому назадъ проливной дождь не прекращался. Дунай катилъ свои мутныя волны, и его полноводіе было небывалымъ за послѣднія 40 лѣтъ. Онъ затопилъ всю Валахскую равнину. 26-го мая (7-го іюня) его уровень на 5 метровъ превышалъ нормальный. Переправа, откладываемая со дня на день, могла начаться лишь 15/27 іюня. Хорошо подготовленная и умѣло проведенная операція удалась на славу. Послѣ жестокаго боя войска закрѣпились на правомъ берегу.

Государь тотчасъ же переправился на другой берегъ, чтобы поздравить свои войска. Онъ съ радостью вступилъ на болгарскую землю, которую онъ освобождалъ отъ иноземнаго ига во имя Святой Православной Руси. Вернувшись затѣмъ на лѣвый берегъ, онъ приказалъ расположить Царскую ставку въ Зимницѣ, гдѣ саперы торопливо сооружали постоянный мостъ.

Русскія войска блестяще развивали свой начальный успѣхъ. Въ нѣсколько дней они заняли всю линію Янтры, а въ это же время кавалерія, подъ командой генерала Гурко, смѣло втягивалась въ дефилэ Балканскихъ горъ. 25-го іюня (7-го іюля) русскій флагъ развѣвался въ Тырновѣ, старой столицѣ Болгаріи.

Въ Россіи нетерпѣніе и разочарованіе послѣднихъ мѣсяцевъ уступило мѣсто бѣшеному воодушевленію. Ждали, что къ концу іюля будетъ взятъ Адріанополь, въ августѣ Константинополь и вновь крестъ Спасителя заблистаетъ на Св. Софіи.

Европа съ недоумѣніемъ смотрѣла на быстрое развитіе событій. Особенно сильное возбужденіе было въ Лондонѣ, гдѣ всѣ газеты на разные лады повторяли одно и то же: „Надо остановить русскихъ."

Не безъ тревоги слѣдилъ Государь въ Зимницѣ за отношеніемъ Европы къ войнѣ. 18/30 іюня вотъ что онъ писалъ княжнѣ Долгорукой:

„Депеши изъ Вѣны удовлетворительныя, изъ Лондона гнусныя. Любопытно то, что въ самомъ министерствѣ большинство высказывается противъ войны, что, конечно, не имѣетъ никакого значенія, т. к. дѣло рѣшаетъ... Биконсфильдъ въ своей упрямой башкѣ".

Но политическія и стратегическія заботы поглощали не все вниманіе Александра II. Зрѣлище войны, убитые, умирающіе, раненые, пожарища, разрушенія, звѣрства — все это заставляло трепетать его сердце. Въ своихъ ежедневныхъ письмахъ къ Екатеринѣ Михайловнѣ онъ все время среди словъ нѣжности и любви пишетъ объ этихъ ужасахъ войны:

„Послѣ обѣда", пишетъ онъ 23-го іюня (5-го іюля), „я пошелъ посмотрѣть на двухъ несчастныхъ болгаръ, звѣрски изуродованныхъ турками. Наши казаки нашли ихъ на дорогѣ изъ Никополя въ Систово и привезли ихъ въ госпиталь Краснаго Креста, находящійся въ ста шагахъ отъ моего дома. Я предложилъ Уэльслею*), который обѣдалъ вмѣстѣ со мной, пойти полюбоваться звѣрствами покровительствуемыхъ англичанами турокъ. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ только что скончался и около его трупа была его жена. Его голова была раздроблена двумя крестообразными ударами сабли. У другого три раны. Надѣются его спасти. При немъ его молодая, беременная жена."

---

*) Полковникъ Уэльслей былъ англійскимъ военнымъ атташе при Главной квартирѣ.

Глава VI.

Турки начинаютъ оказывать упорное сопротивленіе.—Отступленіе русскихъ войскъ.—Необходимость прибѣгнуть къ помощи румынъ.—Тяжкія неудачи русскихъ войскъ въ Арменіи.—Враждебное отношеніе Англіи.—Александръ II изливаетъ свое возмущеніе Англіей въ письмахъ къ Екатеринѣ Михайловнѣ. — Новое пораженіе русскихъ подъ Плевной. — Военный совѣтъ.—Военныя неудачи вызываютъ въ Россіи сильное неудовольствіе.—Критика дѣйствій Императора и недовольство самодержавіемъ. — Тяжелыя переживанія Александра II, остающагося при арміи до взятія Плевны.—Героическое сопротивленіе Османа-Паши.—Критическое положеніе русской арміи.—Попытка гарнизона Плевны прорваться.— Сдача Плевны.

Въ то время, какъ войска подъ командой Великаго Князя Николая Николаевича продолжали развивать свое молніеносное наступленіе и генералъ Гурко блестящимъ ударомъ занялъ перевалъ Шипки, турки, оправившись отъ первыхъ пораженій, начали проявлять стойкое сопротивленіе и выказали себя великолѣпными солдатами, каковыми они и были за все время своей исторіи.

8/20 іюля русскіе потерпѣли подъ Плевной страшное пораженіе.

Въ тотъ же вечеръ Александръ II писалъ княжнѣ Долгорукой:

„Величайшая ошибка заключалась въ томъ, что генералъ Крюденеръ, зная численное превосходство турокъ, рѣшился все таки ихъ атаковать, исполняя полученный приказъ. Если бы онъ имѣлъ мужество ослушаться приказа, то онъ сохранилъ бы болѣе тысячи человѣческихъ жизней и избавилъ насъ отъ полнаго пораженія. Счастье еще, что турки не преслѣдовали уцѣлѣвшіе остатки нашихъ войскъ; въ этомъ случаѣ немногіе бы изъ нихъ спаслись.

Сегодня утромъ я получилъ болѣе удовлетворительныя извѣстія изъ Лондона, что объясняется донесеніемъ Уэльслея. Англичане совершенно измѣнили свой тонъ,

и они готовы оказать давленіе на Турцію, чтобы заставить ее просить у насъ мира на условіяхъ, которыя мы предложимъ. Боюсь только, что разгромъ подъ Плевной дастъ имъ возможность вновь измѣнить тонъ и сдѣлаетъ турокъ еще болѣе заносчивыми".

Пораженіе русскихъ дѣйствительно носило характеръ разгрома, и оно было усилено десять дней спустя вторымъ пораженіемъ, еще болѣе кровавымъ.

Надо было пріостановить наступленіе по всей линіи Балканъ и даже приказать генералу Гурко очистить столь блестяще захваченные ими горные проходы. Ставка Главнокомандующаго, расположившаяся было въ Тырновѣ, должна была быть поспѣшно перенесена на сѣверъ въ Бѣлу, а Императорская квартира была перенесена въ деревню Горній Студень, въ 25-ти километрахъ отъ Дуная. И, наконецъ, какъ это ни было тяжело для русскаго самолюбія, пришлось обратиться къ помощи румынъ, которые тотчасъ выставили подкрѣпленіе подъ командой князя Карла въ количествѣ сорока тысячъ солдатъ, занявшихъ позиціи подъ Плевной.

Не менѣе печально было положеніе на кавказскомъ фронтѣ. Послѣ счастливо начавшагося наступленія, войска Великаго Князя Михаила вынуждены были снять осаду Карса и вслѣдъ за этимъ поспѣшно очистить Арменію. Во время этого отступленія Мухтаръ-Паша на голову разбилъ русскія войска при Кизилъ-Тепэ.

Въ довершеніе бѣдъ и дипломатическій горизонтъ заволакивался тучами. Британскій имперіализмъ, зародившійся въ еврейской головѣ Дизраэли, увлекалъ честолюбіе англичанъ; тонъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ становился все болѣе угрожающимъ; даже королева Викторія проявляла воинственные инстинкты. И гарнизонъ Мальты получалъ все время подкрѣпленія.

Извѣстія изъ Лондона выводили изъ себя Александра II. 16/28 августа онъ писалъ княжнѣ Долгорукой:

„Уэльслей вернулся изъ Лондона. По его словамъ общественное мнѣніе Англіи очень скверно къ намъ относится. Несмотря на это, онъ отъ имени своего правительства категорически заявилъ мнѣ, что оно сохранитъ

нейтралитетъ и желаетъ намъ успѣха и скорѣйшаго заключенія мира. Но онъ, однако, предупредилъ меня, что если война затянется до будущаго года, то Англія выступитъ противъ насъ на сторонѣ Турціи. На мой вопросъ, чѣмъ это объясняется, Уэльслей не нашелъ ничего иного, какъ сказать: „Британское правительство не сможетъ долѣе противиться желанію англійскаго народа начать войну съ Россіей". Вотъ образчикъ англійской логики... Какіе негодяи!"

17/29 августа онъ вновь писалъ Екатеринѣ Михайловнѣ:

„Я вновь имѣлъ продолжительную бесѣду съ Уэльслеемъ и пришелъ къ заключенію, что англійское правительство проявляетъ въ настоящее время умѣренность лишь потому, что надѣется, что послѣ перенесенныхъ нами неудачъ мы не сможемъ до начала зимы начать наступленіе на Адріанополь и Константинополь. Если Богъ смилостивится надъ нами и пошлетъ успѣхи нашему оружію, и мы все же начнемъ наступленіе, ничто не обезпечиваетъ насъ отъ объявленія Англіей войны еще въ этомъ году, несмотря на яко-бы добрыя пожеланія успѣха, переданныя мнѣ Уэльслеемъ отъ имени старой, сумасшедшей королевы. Уэльслей не посмѣлъ это отрицать. Я сказалъ ему, что сейчасъ не время подымать вопросъ о мирѣ, но что, когда наступитъ этотъ моментъ, мой долгъ по отношенію къ Россіи будетъ заключаться въ томъ, чтобы защищать лишь русскіе интересы, что является вполнѣ справедливымъ, такъ какъ и Англія считается только со своими интересами."

31-го августа (12 сентября) Османъ-Паша нанесъ русскимъ третье пораженіе подъ Плевной. Изъ восьмидесяти тысячъ солдатъ, осаждавшихъ крѣпость, четырнадцать тысячъ были выведены изъ строя въ продолженіе двухъ часовъ.

Подъ вліяніемъ этой новой неудачи Александръ II написалъ слѣдующее письмо княжнѣ Долгорукой:

„Господи, помоги намъ окончить эту войну, обезславливающую Россію и христіанъ. Это крикъ сердца, который никто не пойметъ лучше тебя, мой кумиръ, мое сокровище, моя жизнь!"

Пораженіе 31 августа (12 сентября) грозило всей русской арміи серьезной опасностью.

На слѣдующій день подъ предсѣдательствомъ Государя состоялся военный совѣтъ. Всѣ были взволнованы, не зная, на что рѣшиться... Новыя подкрѣпленія могли прибыть лишь черезъ два мѣсяца въ виду того, что въ Молдавіи была лишь одна линія желѣзной дороги. Съ ихъ помощью можно было бы начать лишь зимнюю кампанію, а зима въ Болгаріи была очень сурова. Уже въ сентябрѣ верхушки Балканскихъ горъ были покрыты снѣгомъ. Труднымъ вопросомъ былъ вопросъ о снабженіи арміи въ горной, бездорожной и совершенно разоренной странѣ. Не лучше ли было бы отступить на лѣвый берегъ Дуная, прикрывъ отступленіе гвардіей, только что прибывшей на театръ военныхъ дѣйствій?

Примѣры предыдущихъ войнъ съ Турціей указывали на это послѣднее рѣшеніе. Въ 1773, 1809, 1810 и 1828 годахъ русская армія вынуждена была очистить уже занятый правый берегъ Дуная, оставивъ тамъ небольшія силы для защиты переправъ, и провести зиму въ Валахіи... Стратегически такое рѣшеніе вопроса было, быть можетъ, правильно, но этому мѣшали политическія соображенія. То, что было возможно въ 1828 году, было невозможно въ 1877 году, такъ какъ необходимо было считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль полицейскія донесенія, получаемыя Государемъ, отмѣчали признаки сильнаго броженія. При такомъ положеніи можно ли было рѣшиться на аннулированіе всѣхъ достигнутыхъ военныхъ успѣховъ и на откровенное признаніе, что шестьдесятъ тысячъ солдатъ безплодно принесены въ жертву? Чѣмъ отвѣтитъ страна на это національное униженіе, на это бѣгство передъ турками?.. Надо было во что бы то ни стало остаться въ Болгаріи. Это мнѣніе и возобладало въ военномъ совѣтѣ. Но ни Императоръ, ни Великіе Князья и генералы, принимавшіе участіе въ этомъ обсужденіи, не скрывали отъ себя тѣхъ ужасныхъ испытаній, которымъ подвергала армію зимняя кампанія. Всѣмъ было ясно, что до возобновленія наступленія придется принести въ жертву тысячи жизней. И всѣ думали не только о потеряхъ на поляхъ

битвы, подъ огнемъ непріятеля, но о много болѣе гибельныхъ бичахъ, уничтожившихъ столько русскихъ армій: объ эпидеміяхъ холеры, тифа и дизентеріи.

Императоръ покинулъ военный совѣтъ подавленнымъ и взволнованнымъ. По обыкновенію онъ облегчилъ свою душу письмомъ къ княжнѣ Долгорукой: у нея одной онъ искалъ опоры и утѣшенія. Ей одной онъ признавался въ непреодолимомъ физическомъ и нравственномъ отвращеніи, вызываемомъ у него войной, ея жестокостями и зрѣлищемъ раненыхъ и изуродованныхъ, съ которыми онъ встрѣчался при ежедневномъ посѣщеніи перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей. Въ этихъ письмахъ Александра II постоянно повторяется одна и та же жалоба: „При видѣ всего этого сердце обливается кровью, и я съ трудомъ сдерживаю слезы".

* * *

Рѣшивъ не прерывать на зиму военныхъ операцій, Александръ II пожертвовалъ стратегическими соображеніями, уступивъ политическимъ. И онъ былъ правъ.

Рядъ неудачъ въ Болгаріи и Арменіи поднялъ въ Россіи бурю негодованія. Тщетно старалась цензура смягчить извѣстія о неудачахъ: краткость оффиціальныхъ сообщеній оставляла лишь больше мѣста тревожнымъ догадкамъ. Русское общество сперва недоумѣвало: оно не могло примириться съ мыслью, что послѣ двадцатилѣтней подготовки Царское правительство обнаруживало передъ всѣмъ міромъ тѣ же недостатки и пороки, которые оно проявило во время Крымской войны. Недоумѣніе смѣнилось гнѣвомъ, гнѣвомъ безпощаднымъ и жестокимъ, особенно ярко проявившимся въ націоналистическихъ московскихъ кругахъ. Повсюду обвиняли правительство въ безпомощности и глупости, чиновничество въ бездарности и продажности, генераловъ въ невѣжествѣ и неспособности. Издѣвались надъ Великими Князьями Николаемъ, Михаиломъ, Александромъ и Владиміромъ, неспособными руководить военными операціями и удостоившимися высокихъ постовъ по милости Государя.

Въ нападкахъ не щадили и Государя. Его обвиняли въ бездѣятельности. Въ газетахъ сообщалось, что Госу-

дарь принималъ лишь парады, посѣщалъ госпитали, утѣшалъ раненыхъ, награждалъ умирающихъ, молился за убитыхъ. Это все, конечно, было очень трогательно, но развѣ этимъ могла исчерпываться дѣятельность монарха.

Государь не захотѣлъ принять на себя верховнаго командованія. Почему же въ такомъ случаѣ онъ оставался на театрѣ военныхъ дѣйствій? Почему онъ не возвращался въ свою столицу, чтобы вновь взять въ свои руки бразды правленія? Не мало бы ему пришлось поработать, чтобы вернуть министровъ и чиновниковъ къ сознанію гражданскаго долга!

Возбужденное общественное мнѣніе не ограничивалось вопросами личной отвѣтственности, но доходило въ своей критикѣ до самыхъ основъ государственнаго порядка, указывая на неудовлетворительность абсолютной монархіи. Въ нѣкоторыхъ московскихъ салонахъ открыто говорили о необходимости измѣнить причинившее столько золъ государственное устройство. И пылкій поборникъ православія и славянства, главный вдохновитель войны, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ имѣлъ мужество потребовать немедленнаго созыва представительнаго учрежденія.

* * *

Въ первыхъ числахъ октября начались суровые морозы. Дулъ сѣверный вѣтеръ, и снѣжные ураганы бушевали въ горахъ Болгаріи.

Заключенный въ скучной деревушкѣ, Царь переживалъ тяжелые дни. Тяжелыя заботы и постоянныя усилія не дать окружающимъ замѣтить всю тяжесть своихъ переживаній сильно отразились на его здоровьи. Но самыя суровыя испытанія наступали для Александра II по вечерамъ, когда онъ оставался одинъ, читалъ письма княжны Долгорукой и когда ужасная тоска сжимала его сердце. Врачи, обезпокоенные его рѣзкимъ исхуданіемъ и безсонницей, настойчиво совѣтовали ему вернуться въ С.-Петербургъ. Онъ отказывался категорически: „Я не брошу своей арміи до взятія Плевны“.

Армія Османа-Паши, несмотря на холодъ и лишенія, упорствовала въ своемъ героическомъ сопротивленіи. Съ

7/19 іюля, дня перваго нападенія, эти шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, плохо одѣтые, запертые въ наскоро сооруженныя укрѣпленія, отрѣзанные отъ всего міра, мучимые голодомъ и эпидеміями, не получая ни пищи, ни снаряженія, ни подкрѣпленій, оказывали сопротивленіе тремъ русскимъ корпусамъ, всей императорской гвардіи и сорока тысячамъ румынъ.

Создавшееся положеніе сильно волновало Европу. Всѣ противники Россіи подняли головы. Венгры, которые не могли простить Романовымъ своего разгрома въ 1849 г., открыто проявляли свои симпатіи къ Турціи и старались втянуть своего монарха въ войну. Но Францъ-Іосифъ, уже однажды — во время Крымской войны — удивившій міръ своей неблагодарностью, дѣлалъ видъ, что на этотъ разъ онъ сочувствуетъ русскимъ неудачамъ... и пытался подъ шумокъ добиться отъ Турціи платы за свой нейтралитетъ въ видѣ права занять Боснію и Герцоговину. Вѣнскія интриги оживляли въ душѣ Александра II старую ненависть къ Габсбургамъ. „Телеграммы, полученныя изъ Вѣны, испортили мнѣ не мало крови", писалъ онъ 24 сентября (6 октября) кн. Долгорукой. Въ этомъ же письмѣ онъ описываетъ княжнѣ предательскій планъ венгровъ, формирующихъ въ Карпатскихъ горахъ банды партизанъ, угрожающихъ путямъ сообщенія русской арміи въ Румыніи.

Къ серединѣ октября стало очевиднымъ, что Плевну не удастся взять силой и что нужно ограничиться осадой до тѣхъ поръ, пока обстрѣлъ и голодъ не вынудятъ турокъ на капитуляцію. 31 октября (12 ноября) Великій Князь Николай узналъ отъ захваченныхъ при атакѣ одного изъ бастіоновъ плѣнныхъ, что ежедневный раціонъ солдатъ и офицеровъ состоитъ изъ восьмушки фунта хлѣба, щепотки риса и трехъ головокъ кукурузы. Великій Князь рѣшилъ, что наступило время предложить Осману-Пашѣ сдаться „по долгу человѣчности", ибо всякое дальнѣйшее сопротивленіе безсмысленно. Въ заключеніи своего обращенія онъ писалъ: „Я сумѣю отнестись къ Вамъ и къ доблестнымъ войскамъ, находящимся подъ Вашимъ командованіемъ, съ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, которое Вы заслужили". Османъ-Паша отвѣтилъ на это: „Раздѣляя чувства человѣчности, которыя Вашему Высочеству угодно

было мнѣ выразить, я все-же не могу приказать своимъ доблестнымъ солдатамъ положить оружіе. Мои солдаты и я твердо рѣшили пролить свою кровь до послѣдней капли за честь нашей родины и въ защиту ея правъ".

Александръ II былъ потрясенъ этимъ гордымъ отвѣтомъ.

7/19 ноября онъ получилъ однако и радостное извѣстіе. Генералъ Лорисъ-Меликовъ захватилъ Карсъ, упорно сопротивлявшійся въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Это извѣстіе ободрило войска, осаждавшія Плевну.

Но нѣсколько дней спустя армію Великаго Князя постигло новое несчастье. Неожиданный ледоходъ на Дунаѣ снесъ мосты подъ Браиловымъ и Зимницей. Начни турки въ этотъ критическій моментъ наступленіе, вся русская армія должна была бы сдаться. Эти тяжелые дни, пока мосты не были возстановлены, Александръ II прожилъ въ смертельной тревогѣ, своей измученной душой стремясь къ Екатеринѣ Михайловнѣ.

Наконецъ, 28 ноября (10 декабря) на разсвѣтѣ, русскіе передовые отряды замѣтили большое движеніе въ турецкихъ траншеяхъ.

Вскорѣ небольшая армія Османа-Паши выстроилась въ равнинѣ и отважно бросилась на атаку русскихъ позицій, желая прорвать ихъ. Въ этомъ нападеніи принималъ участіе весь гарнизонъ — около 38.000 человѣкъ. Послѣ шестичасовой упорной борьбы турки захватили первую линію укрѣпленій. Но тутъ они подверглись ожесточенному артиллерійскому обстрѣлу. Тогда и только тогда раненый Османъ-Паша склонился передъ необходимостью. Отказавшись подписать капитуляцію, онъ сдался на милость побѣдителей съ остатками своихъ славныхъ войскъ.

На слѣдующій день Александръ II велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ въ главномъ укрѣпленіи завоеванной крѣпости. Вслѣдъ за этимъ онъ приступилъ къ щедрой раздачѣ орденовъ и наградъ. Главнокомандующій, Великій Князь Николай, получилъ Георгіевскій крестъ первой степени.

Къ концу торжества присутствующіе были изумлены, увидя приближающуюся карету, въ которой сидѣлъ ране-

ный Османъ-Паша. Наканунѣ, когда онъ находился на пути въ Систово, откуда онъ долженъ былъ быть отправленъ въ Букарестъ, былъ полученъ неожиданный приказъ вернуть его въ Плевну: Государь требовалъ, чтобы онъ самъ вручилъ ему свою шпагу. Узнавъ объ этомъ жестокомъ требованіи, тѣмъ болѣе странномъ, что оно исходило отъ рыцарски-благороднаго Государя, Османъ-Паша просто сказалъ: „Я не заслужилъ такого страшнаго униженія".

Подъѣхавъ къ мѣсту, гдѣ его ждалъ Императоръ, окруженный своимъ штабомъ, Османъ-Паша вылѣзъ изъ кареты и съ помощью двухъ солдатъ, поддерживавшихъ его за руки, направился къ Александру II. Повязки лишали его свободы движеній, раны причиняли острую боль; несмотря на это, онъ самъ вынулъ шпагу изъ ноженъ и благороднымъ жестомъ передалъ ее своему побѣдителю.

Александръ II лишь прикоснулся къ ней и сейчасъ же вернулъ ее со словами:

„Я возвращаю Вамъ Вашу шпагу. Храните ее всегда, какъ выраженіе моего восхищенія и уваженія".

Глава VII.

Новый фазисъ войны.—Возвращеніе Александра II въ С.-Петербургъ.—Свиданіе съ княжной Долгорукой. — Быстрое продвиженіе русскихъ армій къ Константинополю. — С.-Стефанскій миръ. — Противодѣйствіе Англіи .— Соглашеніе Россіи съ Англіей. — Берлинскій трактатъ.—Подавленность Александра II.—Переѣздъ Екатерины Михайловны въ Зимній дворецъ.—Возмущеніе въ обществѣ ролью княжны Долгорукой.

Взятіе Плевны давало возможность русской арміи возобновить свое продвиженіе черезъ Балканы. Война вступала въ новую фазу. Наскоро выработавъ со своимъ штабомъ планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, Александръ II поспѣшилъ вернуться въ С.-Петербургъ.

Онъ прибылъ туда 11/23 декабря въ 10 час. утра. Члены Императорской семьи, придворные чины, высшее духовенство, министры, члены Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената въ парадныхъ мундирахъ ожидали его на площади Николаевскаго вокзала. Безчисленное количество народу толпилось на площади, Невскомъ проспектѣ и на прилегающихъ улицахъ. Это не была обычная толпа зѣвакъ, жадныхъ до зрѣлищъ. Настроеніе собравшихся людей было серьезнымъ и сдержаннымъ.

Лишь только Государь показался, онъ былъ встрѣченъ бурей восторженныхъ криковъ, какъ осуществитель всѣхъ честолюбивыхъ мечтаній, всѣхъ упованій святой православной Руси.

При этой встрѣчѣ всѣ были потрясены тѣмъ, что Государь измѣнился почти до неузнаваемости. Одинъ изъ очевидцевъ такъ отмѣчаетъ общее впечатлѣніе: „Когда Царь уѣзжалъ на войну, это былъ высокій и красивый военный, нѣсколько склонный къ полнотѣ. Онъ вернулся дряблымъ, съ померкшими глазами, согбеннымъ и такимъ худымъ, что, казалось, его кости обтянуты кожей. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ превратился въ старика.“

Освободившись отъ оффиціальныхъ пріемовъ, Царь провелъ остатокъ дня съ княжной Долгорукой.

* * *

Населеніе Петербурга не ошиблось, толкуя возвращеніе Государя, какъ признакъ успѣшнаго хода войны. Но день исполненія затаенныхъ желаній націоналистовъ былъ еще далекъ. 14/26 декабря Александръ II, принимая нашего посла, генерала Ле Фло, котораго онъ очень любилъ, откровенно изложилъ ему положеніе, въ которомъ находилась русская армія послѣ паденія Плевны. Онъ закончилъ эту бесѣду слѣдующими словами: „Мы многаго добились, но, къ сожалѣнію, это еще не начало конца."

Въ концѣ декабря Великій Князь Николай началъ переходъ черезъ Балканы. Въ самый разгаръ зимы, при двадцатиградусныхъ морозахъ, имѣя дѣло съ противникомъ, отчаянно цѣпляющимся за каждое естественное препятствіе, русскія войска заняли одинъ за другимъ всѣ укрѣпленія, сооруженныя турками на отвѣсныхъ уступахъ Шипки. Военная исторія не знаетъ второй горной войны, стоившей войскамъ такихъ усилій и жертвъ.

Занятіе этого прохода съ стратегической точки зрѣнія имѣло громадное значеніе. Путь на Константинополь теперь лежалъ открытымъ; у турокъ оставались лишь обрывки арміи; война фактически была окончена.

19/31 января Великій Князь Николай и турецкіе представители подписали въ Адріанополѣ условія перемирія. А въ это же время русская кавалерія быстро приближалась къ Мраморному морю.

Это быстрое наступленіе чрезвычайно встревожило Европу и, особенно, Англію. Британская эскадра тотчасъ же прошла Дарданеллы и бросила якорь у Принцевыхъ острововъ въ пяти миляхъ отъ Константинополя. Тѣмъ временемъ Великій Князь Николай принудилъ турокъ подписать С.-Стефанскій договоръ, устанавливающій русскую гегемонію на всемъ Балканскомъ полуостровѣ отъ Дуная до Мраморнаго моря.

Тогда Британское правительство, не желая допустить, чтобы Россія самостоятельно разрѣшила въ своихъ интере-

сахъ восточный вопросъ, объявило общую мобилизацію сухопутныхъ и морскихъ силъ. Сухопутное англійское войско было немногочисленно и плохо обучено. Но англійскій флотъ былъ достаточно силенъ, чтобы разорить русскія прибрежныя области въ Финскомъ заливѣ, въ Бѣломъ морѣ, въ Черномъ морѣ и у Владивостока.

Рѣшительная позиція, занятая Англіей, вызвала въ Россіи взрывъ негодованія, выразившагося въ объединявшемъ всѣхъ лозунгѣ: „С.-Стефанскій договоръ неприкосновененъ. Русскій народъ сказалъ свое послѣднее слово. Мы отвѣтимъ войной на англійскую наглость".

Но Александръ II, князь Горчаковъ и самъ Великій Князь Николай Николаевичъ сознавали, что нужно во что бы то ни стало избѣжать разрыва. Два важныхъ основанія, тщательно скрываемыхъ, заставляли быть осторожными: имперская казна была совершенно истощена, а армія, стоявшая у воротъ Константинополя, терпѣла страшный уронъ отъ тифа. Графу Шувалову было поручено начать конфиденціальные переговоры съ лордомъ Сольсбери и согласовать С.-Стефанскій договоръ съ требованіями Англіи. Шуваловъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ статей, устанавливающихъ гегемонію Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Тайное соглашеніе, подписанное 18/30 мая, разрѣшило кризисъ.

Два мѣсяца спустя Берлинскій конгрессъ торжественно провозгласилъ основы этого соглашенія, отнимавшаго у русскаго народа лучшіе плоды его побѣдъ или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые болѣе всего льстили его національному самолюбію.

Съ горечью принялъ русскій народъ Берлинскій трактатъ. Онъ увидѣлъ въ немъ лишь уколы національному самолюбію и съ пренебреженіемъ отнесся къ тѣмъ великимъ политическимъ и территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя этотъ трактатъ обезпечивалъ Россіи.

Эти событія страннымъ образомъ отразились и на личной судьбѣ Александра II.

* * *

По возвращении Александра II въ С.-Петербургъ возобновились его ежедневныя свиданія съ Екатериной Михайловной. Испытанія Балканской войны не только изнурили Александра II физически, но оставили глубокій слѣдъ и на его духовномъ обликѣ. Потребность въ ласкѣ и участіи, бывшая всегда одной изъ основныхъ чертъ его характера, еще болѣе обострилась: онъ еще болѣе привязался къ княжнѣ Долгорукой. Порой имъ овладѣвала тяжелая меланхолія, доходившая до глубокаго отчаянія. Власть его болѣе не интересовала. Все то, что онъ пытался осуществить, кончалось неудачей. Никто изъ другихъ монарховъ не желалъ болѣе его счастья своему народу: онъ уничтожилъ рабство, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, установилъ судъ присяжныхъ, провелъ во всѣхъ областяхъ управленія мудрыя и либеральныя реформы. Въ отличіе отъ другихъ царей, онъ никогда не стремился къ кровавымъ лаврамъ славы. Сколько усилій потратилъ онъ, чтобы избѣжать турецкой войны, навязываемой ему его народомъ. И послѣ ея окончанія онъ предотвратилъ новое военное столкновеніе... Что получилъ онъ въ награду за все это? Со всѣхъ концовъ Россіи поступали къ нему донесенія губернаторовъ, сообщавшихъ, что народъ, обманутый въ своихъ чаяніяхъ, во всемъ винилъ Царя. А полицейскія донесенія сообщали объ угрожающемъ ростѣ революціоннаго броженія.

Смятенной душой онъ невольно стремился къ единственному человѣку, пожертвовавшему для него своей честью, свѣтскими удовольствіями и успѣхами, къ человѣку, думавшему объ его счастьи и окружавшему его знаками страстнаго обожанія.

Княжна Долгорукая сдѣлалась для него столь необходимой, что онъ рѣшилъ поселить ее въ Зимнемъ дворцѣ подъ одной крышей съ Императрицей.

Въ третьемъ этажѣ дворца княжнѣ Долгорукой отвели три большія комнаты, точно соотвѣтствовавшія личнымъ покоямъ Государя во второмъ этажѣ и соединенныя съ этими послѣдними подъемной машиной.

Императрица Марія Александровна, занимавшая покои, смежные съ комнатами Александра II, вскорѣ узнала о странномъ, навязанномъ ей, сосѣдствѣ. Безъ слова

упрека встрѣтила она это новое испытаніе. Терзаемая горемъ, снѣдаемая тяжкимъ недугомъ, чувствуя приближеніе смерти, Императрица, охраняя свое достоинство, нашла въ себѣ силы, чтобы казаться еще болѣе замкнутой и недоступной. Лишь одинъ разъ она не сдержалась и подѣлилась своимъ горемъ съ своимъ единственнымъ другомъ, графиней Александрой Толстой, бывшей воспитательницей ея дочери, Великой Княжны Маріи до ея брака съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Указавъ на комнаты своей соперницы, несчастная Царица сказала: „Я прощаю оскорбленія, наносимыя мнѣ, какъ Императрицѣ. Но я не въ силахъ простить мученій, причиненныхъ супругѣ."

Водвореніе фаворитки въ Зимнемъ дворцѣ, величественная постройка котораго какъ бы олицетворяетъ всю славу Романовыхъ, вызвало страшное негодованіе. Это событіе вскорѣ стало главной темой разговоровъ въ свѣтскихъ салонахъ. Несмотря на всю замкнутость жизни, которую вела Екатерина Михайловна, несмотря на всѣ принимаемыя ею предосторожности и на то, что она старалась не выходить изъ своихъ комнатъ, ея присутствіе во дворцѣ проявлялось на каждомъ шагу. Живя во дворцѣ, она естественно должна была пользоваться услугами дворцовой прислуги: ей прислуживали дворцовые лакеи, она ѣла пищу, приготовленную дворцовыми поварами, она выѣзжала въ дворцовомъ экипажѣ. Связь, ранѣе тщательно скрываемая, сдѣлалась открытой.

При такихъ условіяхъ прежнія нападки, забытыя подъ вліяніемъ волненій, связанныхъ съ турецкой войной, возобновились съ новой силой. Къ нимъ присоединились еще новыя, главнымъ объектомъ которыхъ сдѣлалась княжна: на нее возлагали значительную часть отвѣтственности за печальный ходъ государственной жизни. Ее обвиняли въ томъ, что она отвлекала Царя отъ исполненія имъ своихъ обязанностей, что она усыпляла его любовными чарами, лишая силы и рѣшимости. Въ доказательство приводили плачевное физическое состояніе, въ которомъ находился Александръ II. Какъ измѣнился онъ! Впалыя щеки, сгорбленная фигура, вялыя движенія, тяжелое дыханіе — всему этому она была причиной.

Всѣ эти крайне преувеличенныя нападки стали сказываться въ еще болѣе рѣзкой формѣ въ сентябрѣ 1878 года, когда узнали, что фаворитка разрѣшилась отъ бремени второй дочерью, получившей имя Екатерины.

Глава VIII.

Революціонное броженіе.— Покушеніе Вѣры Засуличъ. — Демонстраціи въ Кіевѣ, Москвѣ Харьковѣ и Одессѣ. — Убійство генерала Мезенцева. — Эпидемія политическихъ убійствъ.— Покушеніе Соловьева. — Введеніе осаднаго положенія. — Назначеніе генералъ-губернаторовъ. — Александръ II уѣзжаетъ въ Ливадію.

А между тѣмъ, никогда Россія еще такъ не нуждалась въ руководителѣ съ яснымъ умомъ и твердой волей. Революціонное броженіе захватило теперь всю имперію. Не проходило недѣли безъ какого-либо выступленія революціонеровъ.

24 января (5 февраля) 1878 года Вѣра Засуличъ открыла трагическій періодъ русской исторіи, тяжко ранивъ двумя выстрѣлами изъ револьвера С.-Петербургскаго полицмейстра, генерала Трепова. Вѣра Засуличъ, происходившая изъ аристократической семьи, сочла своимъ долгомъ отомстить за своего товарища-революціонера Боголюбова, содержавшагося въ крѣпости и подвергшагося по приказанію вышедшаго изъ себя генерала Трепова тѣлесному наказанію. 31 марта (12 апрѣля) Вѣра Засуличъ предстала передъ уголовнымъ судомъ, въ которомъ ея дѣло, сообразно съ новыми судебными установленіями, должно было быть рѣшено съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Рѣшеніе суда не могло быть сомнительнымъ, въ виду того, что преступленіе было совершено среди бѣла дня и обвиняемая хвасталась своимъ дѣяніемъ. Но лишь начался допросъ свидѣтелей, въ возбужденномъ залѣ произошла странная перемѣна ролей, обратившая обвиняемую въ прокурора, а жертву въ отвѣтчика. И эта перемѣна ролей произошла несмотря на то, что присяжные принадлежали къ высшимъ слоямъ общества, а билеты для входа выдавались съ особымъ разборомъ и преиму-

щественно попали въ руки высшаго чиновничества. При каждомъ новомъ показанiи свидѣтелей и при каждомъ отвѣтѣ революцiонерки, настроенiе въ залѣ суда становилось все болѣе возбужденнымъ. Во время пренiя сторонъ атмосфера сдѣлалась накаленной. Наконецъ, присяжные удалились на совѣщанiе.

Черезъ нѣсколько минутъ они вынесли оправдательный вердиктъ.

Рѣшивъ не осуждать обвиняемую, представители общественной совѣсти безъ колебанiя заявили: „Нѣтъ, не виновна". Едва предсѣдатель закончилъ чтенiе этого необычнаго приговора, какъ всѣ присутствующiе разразились апплодисментами. Вѣра Засуличъ вышла изъ суда подъ громъ привѣтствiй, обратившихся во внушительную демонстрацiю, когда она появилась среди толпы, ожидавшей ее передъ зданiемъ суда. Возбужденная толпа на рукахъ понесла ее къ дому генерала Трепова. Отрядъ жандармовъ и казаковъ задержалъ это торжественное шествiе. Пѣхотныя войска открыли огонь, подъ влiянiемъ котораго толпа разбѣжалась, оставляя за собой убитыхъ и раненыхъ. Въ общей суматохѣ Вѣрѣ Засуличъ удалось при помощи своихъ друзей скрыться.

Отклики этого событiя пронеслись по Россiи грознымъ эхомъ. Въ Кiевѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ революцiонныя манифестацiи слѣдовали одна за другой, какъ бы порождая одна другую. Особенно серьезны были безпорядки въ Одессѣ: они были организованы однимъ изъ наиболѣе опасныхъ революцiонныхъ вождей, Ковальскимъ. Полицiи удалось найти его прибѣжище и арестовать его. Присужденный къ смерти, онъ былъ казненъ 2/14 августа.

Возмездiе не заставило себя долго ждать.

Два дня спустя генералъ Мезенцевъ, управляющiй третьимъ отдѣленiемъ, проходя въ полдень по одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ столицы, былъ убитъ ударомъ кинжала въ грудь. Нападавшiй дѣйствовалъ съ такой дерзостью и быстротой, съ такимъ самообладанiемъ и мѣткостью, что прохожiе остолбенѣли, какъ бы пораженные громомъ. Никто даже не пытался преслѣдовать убiйцу, который такъ и не былъ обнаруженъ,

Съ этой минуты между революціонерами и правительствомъ завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Поклонники террора не гнушались никакими средствами, они не знали жалости, они не боялись репрессій. Тщетно полиція умножила число предупредительныхъ арестовъ и ссылокъ въ Сибирь. Тщетно были изъяты изъ вѣдѣнія судовъ присяжныхъ преступленія противъ общественнаго спокойствія и поручены не знавшимъ пощады военнымъ судамъ. Гигантскій заговоръ подрывалъ устои русскаго общества, и политическія убійства, какъ страшное повѣтріе, распространялись въ массахъ. Прокуроры, слѣдователи, полицейскіе, жандармы, начальники тюремъ повсюду становились мишенью революціонеровъ.

Утромъ 2/14 апрѣля 1879 года Александръ II по обыкновенію прогуливался вблизи своего дворца. Шедшій ему навстрѣчу молодой человѣкъ четыре раза выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Четыре пули застряли въ стѣнѣ сосѣдняго дома.

Преступнкъ былъ тотчасъ арестованъ. По пути въ полицію онъ пытался отравиться.

Это былъ Александръ Соловьевъ, 30 лѣтъ, по профессіи учитель. Онъ отказался дать показанія о причинахъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ его на преступленіе. Судебный слѣдователь убѣждалъ его быть откровеннымъ, мягко указывая ему, что полное сознаніе облегчитъ его защиту. Онъ холодно отвѣтилъ: „Не старайтесь, Вы ничего отъ меня не узнаете, я уже давно рѣшилъ пожертвовать своей жизнью. Къ тому же, если бы я и сознался, меня бы убили мои соучастники... Да, даже въ той тюрьмѣ, гдѣ я теперь содержусь“.

Покушеніе Соловьева зловѣщимъ свѣтомъ освѣтило внутреннее положеніе Россіи. Но что было дѣлать? Смятеніе господствовало въ средѣ правительства. Министры проводили время въ безплодныхъ спорахъ, не будучи въ состояніи найти какой-либо практическій исходъ. Они всѣ лишь сходились въ нападкахъ на тайную полицію и особенно на генерала Дрентельна, смѣнившаго генерала Мезенцова на посту управляющаго третьимъ отдѣленіемъ. Александръ II лично былъ противникомъ крайнихъ мѣръ. Но онъ рѣшился, наконецъ, на провоз-

глашеніе военнаго положенія въ областяхъ, особенно сильно захваченныхъ революціоннымъ броженіемъ.

Въ Петербургъ, въ Москву, Варшаву, Кіевъ, Харьковъ и Одессу были назначены генералъ-губернаторы съ широкими полномочіями, съ правомъ арестовывать и высылать каждое подозрительное лицо, съ правомъ пріостанавливать и закрывать періодическія изданія, съ правомъ по собственной инцbackground иниціативѣ принимать мѣры, необходимыя для сохраненія общественнаго порядка. Въ число этихъ шести первыхъ генералъ-губернаторовъ Александръ II внесъ имена трехъ генераловъ, особенно отличившихся въ теченіе послѣдней войны — генерала Тотлебена, захватившаго Плевну, генерала Гурко, первымъ перешедшаго Балканы, и генерала Лорисъ-Меликова, захватившаго неприступную Карскую крѣпость.

Принявъ эти нетерпящія отлагательства рѣшенія, Государь 12/24 апрѣля выѣхалъ въ Ливадію. Его сопровождала снѣдаемая тяжкимъ недугомъ Императрица, еле дыша, со смертельно блѣднымъ лицомъ, съ горячечно горящими глазами.

Княжна Долгорукая выѣхала наканунѣ, дабы встрѣтить Государя въ дорогомъ для нихъ Бьюкъ-Сараѣ, устроившись и отдохнувъ съ дороги.

5*

Глава IX.

Борьба правительства съ революціонерами.—Побѣда правительства.—Успокоеніе.— Александръ II возвращается въ Крымъ. — Отъѣздъ Императрицы Маріи Александровны въ Каннъ. — Ежедневныя встрѣчи Александра II съ княжной Долгорукой въ Ливадіи.—Возвращеніе въ С.-Петербургъ. — Покушеніе на взрывъ Царскаго поѣзда на вокзалѣ въ Москвѣ.—Александръ II становится главной мишенью революціонеровъ.—Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ. — Всеобщая растерянность и ожиданіе спасителя. — Назначеніе Верховной Комиссіи для охраны общественнаго порядка. — Порученіе предсѣдательства въ ней Лорисъ-Меликову.

Царь-самодержецъ, неограниченный властелинъ Имперіи, не имѣлъ однако возможности долго задержаться въ Крыму. Онъ долженъ былъ вскорѣ вернуться въ столицу, гдѣ завязавшаяся борьба съ революціонерами требовала его присутствія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, министръ юстиціи Набоковъ, военный министръ генералъ Милютинъ и начальникъ тайной канцеляріи генералъ Дрентельнъ съ помощью шести генералъ-губернаторовъ вели эту борьбу съ неослабляемой энергіей. Революціонному террору они противопоставили терроръ правительства. Правительственныя возможности борьбы были усилены упрощеніемъ судопроизводства. По указу 5/17 августа 1879 года каждый обвиняемый въ политическомъ преступленіи могъ быть судимъ безъ предварительнаго слѣдствія, осужденъ безъ свидѣтельскихъ показаній и приговоренъ къ смерти безъ права обжалованія. Суровость этихъ мѣръ оказалась дѣйственной. Къ концу лѣта революціонеры не давали больше поводовъ говорить о себѣ; эпидемія убійствъ казалась пріостановленной.

Пользуясь наступившимъ успокоеніемъ, Александръ II въ концѣ августа вернулся въ Крымъ, разсчитывая тамъ пробыть до зимы.

Императрица, истощенная до послѣдней степени, отдыхала въ Киссингенѣ, откуда она должна была отпра-

виться въ Каннъ, гдѣ надѣялась нѣсколько возстановить свои силы.

Отъѣздъ Императрицы давалъ возможность Александру II еще болѣе открыто и свободно посѣщать княжну Долгорукую, съ которой онъ проводилъ все свободное отъ своихъ обязанностей время.

Онъ пріѣзжалъ верхомъ на одномъ изъ трехъ великолѣпныхъ жеребцовъ, подаренныхъ ему султаномъ Абдуломъ-Гамидомъ. Она ожидала его, окруженная своими дѣтьми.

Онъ игралъ сначала съ ними, а затѣмъ уединялся съ нею. Цѣлые часы проводилъ онъ съ нею то въ саду, то на балконѣ, съ котораго открывался безграничный видъ на серебристую лазурь Чернаго моря. Въ мельчайшихъ подробностяхъ разсказывалъ онъ ей все, что случилось за истекшій день. Онъ разсказывалъ о посѣтившихъ его лицахъ, объ обращенныхъ къ нему просьбахъ, о присланныхъ донесеніяхъ, объ отданныхъ приказахъ. Ихъ бесѣда оканчивалась безконечной пѣснью любви.

Часто, вернувшись отъ нея, онъ вновь писалъ ей, чтобы высказать свое счастье, свою благодарность, свое обожаніе, свою ненасытную потребность быть около нея.

Александръ II хотѣлъ бы навсегда продолжить свою счастливую жизнь въ Крыму. Но въ серединѣ ноября холодные вѣтры сдѣлали необитаемымъ южное побережье, и легкія постройки Ливадіи надо было смѣнить на торжественные и душные покои Зимняго дворца.

На обратномъ пути Императоръ остановился въ Москвѣ. Онъ прибылъ туда 19 ноября (1 декабря) около 10 часовъ вечера. Его обезпокоила полученная имъ въ пути телеграмма Императрицы. Несчастная Марія Александровна тяжко страдала отъ припадковъ удушья. Александръ II, прибывъ въ Кремль, телеграфировалъ ей:

„Благополучно прибылъ въ Москву, гдѣ теперь 14 градусовъ морозу. Получилъ твою телеграмму въ Тулѣ. Огорченъ, что ты все въ томъ же состояніи. Чувствую себя хорошо и неутомленнымъ. Нѣжно цѣлую.

Александръ".

Благополучно прибылъ въ Москву . . . Лучше было бы, если бы онъ туда не пріѣзжалъ. Полъ часа спустя, послѣ

того, какъ онъ вышелъ съ вокзала, раздался страшный взрывъ, сбросившій съ рельсъ подъѣзжавшій поѣздъ. Въ этомъ поѣздѣ находился багажъ Царя и личный составъ его канцеляріи: это былъ такъ называемый свитскій поѣздъ, который обычно шелъ на полъ часа раньше царскаго; неисправность локомотива свитскаго поѣзда задержала его отъѣздъ изъ Харькова и заставила перемѣнить порядокъ поѣздовъ.

На глубинѣ двухъ метровъ подъ полотномъ желѣзной дороги были найдены остатки взрывчатаго снаряда и обломки электрическаго прибора. Отъ этого мѣста шелъ подкопъ длиною въ 80 метровъ къ сторожкѣ, находящейся около самой линіи дороги и снятой инженеромъ, назвавшимся Сухоруковымъ. Послѣ взрыва этотъ человѣкъ скрылся.

Александръ II, узнавъ объ опасности, которой онъ только что избѣгъ, воскликнулъ: „Что хотятъ отъ меня эти негодяи? Что травятъ они меня, какъ дикаго звѣря?“

* * *

Московское покушеніе было первымъ проявленіемъ новой тактики революціонеровъ. Съ этого времени всѣ ихъ помыслы и расчеты, вся ихъ дерзость, вся ихъ ненависть, все напряженіе ихъ темной и преступной воли сосредоточились на личности Императора.

5/17 февраля 1880 года въ $6^{1}/_{2}$ часовъ вечера жители С.-Петербурга были испуганы страшнымъ взрывомъ. Въ то же время надъ Зимнимъ дворцомъ поднялось густое облако дыма. Столовая царскаго дворца оказалась взорванной.

Въ этотъ вечеръ Александръ II пригласилъ къ обѣду своего племянника, принца Александра Баттенбергскаго, недавно избраннаго Болгарскимъ княземъ. Но нѣсколько задержался въ бесѣдѣ съ нимъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, и эта случайная задержка спасла его.

Взрывъ, однако, имѣлъ многочисленныя жертвы. Разрывной снарядъ взорвалъ караульное помѣщеніе, находившееся какъ разъ подъ столовой, и обломками были покрыты 67 солдатъ Финляндскаго полка, изъ которыхъ 19 было убито и 48 ранено.

Покои Императрицы, смежныя со столовой, подверглись страшному сотрясенію. Марія Александровна только что возвратилась въ С.-Петербургъ. Не надѣясь на излѣченіе, удрученная непрерывными покушеніями на своего супруга, она покинула Каннъ, несмотря на мольбы врачей. Единственно, чего она хотѣла избѣжать — это ужаса смерти вдали отъ близкихъ. Но въ этотъ день 5/17 февраля припадокъ удушья погрузилъ Императрицу въ полубезчувственное состояніе. Она не слышала взрыва, она узнала о немъ лишь на слѣдующій день.

Сотрясеніе въ комнатахъ княжны Долгорукой — этажемъ выше, было не менѣе сильнымъ. Объятая ужасомъ, она схватила своихъ дѣтей и бросилась къ Императору. Онъ встрѣтилъ ее на порогѣ ея комнаты, ибо и его первой мыслью было броситься къ ней.

Три дня спустя Александръ II счелъ своимъ долгомъ присутствовать на похоронахъ солдатъ, умершихъ при охранѣ его дворца.

Съ высоко поднятой головой, онъ шелъ своимъ ровнымъ и величественнымъ шагомъ. Но его блѣдное, сморщившееся лицо обнаруживало глубокое страданіе. Когда онъ подошелъ къ выстроеннымъ въ рядъ гробамъ, онъ не смогъ удержать рыданія и разбитымъ голосомъ прошепталъ:

„Кажется, что мы еще на войнѣ, тамъ, въ окопахъ подъ Плевной!“

* * *

Это новое выступленіе террористовъ вызвало во всѣхъ слояхъ русскаго общества подавленное чувство недоумѣнія и ужаса. Съ недоумѣніемъ и ужасомъ спрашивали себя, какимъ образомъ революціонеры могли затѣять, подготовить и свершить столь ужасное покушеніе? Какихъ сообщниковъ нашли они среди дворцовой прислуги, если не среди личной охраны Государя?

Нѣсколько дней спустя была выяснена вся обстановка преступленія. Революціонеръ Халтуринъ, 28 лѣтъ, выдавъ себя за плотника, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ работалъ въ мастерской одного подрядчика, который очень цѣнилъ его за усердіе, добрый нравъ и хорошее поведеніе. Этотъ подрядчикъ получилъ работу по ремонту под-

вальнаго помѣщенія Зимняго Дворца. На эту работу онъ отправилъ своихъ лучшихъ мастеровыхъ и среди нихъ Халтурина, не возбуждавшаго никакихъ подозрѣній. Утромъ и послѣ обѣденнаго перерыва при входѣ во дворецъ мастеровыхъ подвергали тщательному личному осмотру. Вскорѣ, однако, къ нимъ такъ привыкли, что осмотръ прекратился. Халтурину даже удалось близко познакомиться съ жандармомъ, на обязанности котораго лежалъ этотъ осмотръ, и добиться у него согласія на бракъ съ его дочерью. При такихъ условіяхъ Халтурину было не трудно ежедневно проносить во дворецъ вмѣстѣ съ инструментами нѣкоторое количество динамита, который онъ и пряталъ въ кучѣ мусора. Когда онъ пронесъ такимъ образомъ около трехъ пудовъ, онъ уложилъ весь собранный динамитъ въ спеціальное углубленіе и провелъ къ нему длинный фитиль. Расчетъ его былъ столь точенъ, что, зажегши фитиль, онъ успѣлъ спокойно выйти изъ дворца.

Обнародованіе всѣхъ этихъ подробностей лишь увеличило растерянность общественнаго мнѣнія. Чего еще можно было ждать отъ революціонеровъ?.. Мельхіоръ де Вогюэ, состоявшій тогда при французскомъ посольствѣ, въ захватывающихъ словахъ такъ изобразилъ общую панику: „Пережившіе эти дни могутъ засвидѣтельствовать, что нѣтъ словъ для описанія ужаса и растерянности всѣхъ слоевъ общества. Говорили, что 19 февраля (2 марта) въ годовщину отмѣны крѣпостного права будутъ совершены взрывы въ разныхъ частяхъ города; указывали и улицы, гдѣ эти взрывы произойдутъ; многія семьи мѣняли квартиры; другія уѣзжали изъ города. Полиція, сознавая свою безпомощность, теряла голову; государственный аппаратъ дѣйствовалъ лишь рефлекторно; общество чувствовало это, жаждало новой организаціи власти, ожидало спасителя“.

* * *

Этотъ спаситель не замедлилъ явиться; его имя называли уже во многихъ кругахъ.

Въ первой половинѣ февраля подъ предсѣдательствомъ Государя происходило важное совѣщаніе въ Зимнемъ Дворцѣ. Къ участію въ этомъ важномъ совѣщаніи, Александръ II

привлекъ Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Константина, предсѣдателя Государственнаго совѣта, канцлера князя Горчакова, министровъ, начальника тайной канцеляріи и генералъ-губернаторовъ. Согбенный подъ тяжестью невзгодъ, съ угрюмымъ видомъ, съ нервными движеніями рукъ, хриплымъ и глухимъ голосомъ, Царь открылъ совѣщаніе. Лишенная руководства бесѣда приняла характеръ пустого обмѣна мнѣній, другъ друга исключающихъ и наполненныхъ нападками на прошлое. Лишь одинъ изъ присутствующихъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, Харьковскій генералъ-губернаторъ, сохранялъ молчаніе. Когда Царь, наконецъ, попросилъ его высказаться, онъ увѣренно набросалъ свою политическую программу, въ которой принципы сильной власти удачно сочетались съ либеральными принципами. Изложеніе своей программы онъ закончилъ практическимъ предложеніемъ, стоявшимъ во главѣ всего его плана:

„Но прежде всего", сказалъ онъ, „намъ нужно обезпечить единство власти. Для этого вся власть должна быть сосредоточена въ рукахъ одного человѣка, пользующагося полнымъ довѣріемъ Вашего Величества".

Александръ II неожиданно поднялся, глаза его заблистали и, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго сна, онъ прервалъ Лориса-Меликова:

„Ты будешь этимъ человѣкомъ", сказалъ онъ и закрылъ засѣданіе.

12/24 февраля Императорскимъ указомъ была учреждена Верховная Распорядительная Комиссія по охраненію общественнаго порядка, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Функціи этой комиссіи были неопредѣленны, а власть ея предсѣдателя неясно очерчена и очень широка. Предсѣдатель имѣлъ право давать приказы каждому представителю государственной власти и являлся личнымъ сотрудникомъ Царя во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Никогда еще ни одинъ изъ подданныхъ русскаго Царя не пользовался такой властью.

Глава X.

Армянское происхожденіе генерала Лорисъ-Меликова, его біографія. — Покушеніе на Лориса-Меликова.—Его личная храбрость.—Казнь преступника. — Политическая программа Лорисъ-Меликова.—Либеральныя настроенія русскаго общества. — Роль Великаго Князя Константина и Великой Княгини Елены въ либеральныхъ реформахъ начала царствованія. — Личный либерализмъ Александра II. — Разочарованіе и неудача реформъ усиливаютъ вліяніе реакціонеровъ, группирующихся около наслѣдника престола. — Трудности задачи Лорисъ-Меликова.

Чѣмъ объясняется такое быстрое повышеніе Лорисъ-Меликова и назначеніе его диктаторомъ?

Армянинъ по происхожденію, 55 лѣтъ, онъ сдѣлалъ свою карьеру въ кавказскихъ войскахъ, выдѣлившись своими способностями.

Въ войнѣ 1877 года Лорисъ-Меликовъ командовалъ одной изъ восточныхъ армій и 6/18 ноября захватилъ Карсъ, считавшійся неприступнымъ, поддержавъ такимъ образомъ нѣсколько славу русскаго оружія, которое въ это время повсюду терпѣло неудачи. Затѣмъ, онъ удачно выполнилъ трудное порученіе во время эпидеміи чумы на Волгѣ и такимъ образомъ вновь привлекъ на себя общественное вниманіе. Послѣ покушенія Соловьева онъ былъ назначенъ однимъ изъ шести генералъ-губернаторовъ, то-есть однимъ изъ проконсуловъ, которымъ Государь поручилъ провести военное положеніе; ему было поручено Харьковское генералъ-губернаторство, бывшее въ то время гнѣздомъ анархистовъ, убившихъ незадолго до этого харьковскаго губернатора, князя Крапоткина. Лорисъ-Меликовъ блестяще справился съ возложенной на него задачей, примѣняя то хитрость, то твердость и проявляя прирожденное искусство восточнаго политика. Нѣсколько удачныхъ мѣропріятій въ области хозяйства привлекли къ нему симпатіи дворянъ-землевла-

дѣльцевъ и купцовъ. Онъ сумѣлъ даже любезными и внимательными словами расположить къ себѣ журналистовъ, профессоровъ и студентовъ, что не мѣшало ему, однако, безпощадно расправляться съ заговорщиками и бунтовщиками. Послѣ двухмѣсячнаго генералъ-губернаторства „герой Карса“ добился широкой популярности, распространившейся далеко за предѣлы подчиненной ему области.

* * *

Счастливый случай позволилъ Лорисъ-Меликову вскорѣ послѣ назначенія на новый постъ проявить свою личную смѣлость.

Однажды, въ 2 часа дня, когда онъ возвращался въ свой домъ на Морской, на него были произведены три выстрѣла изъ револьвера. Пули застряли въ мѣху его шубы. Лорисъ-Меликовъ однимъ прыжкомъ бросился на покушавшагося, сбилъ его съ ногъ и передалъ въ руки подбѣжавшаго жандарма.

Это проявленіе хладнокровія и мужества привело въ восторгъ общественное мнѣніе, еще болѣе удовлетворенное тѣмъ, что день спустя, послѣ быстраго суда, покушавшійся, нѣкій Молодецкій, былъ повѣшенъ среди бѣла дня на Семеновскомъ плацу въ присутствіи громадной толпы народа. Впервые за полъ вѣка въ С.-Петербургѣ казнь совершалась публично; разстрѣлы и повѣшенія обыкновенно происходили тайно, безъ свидѣтелей, на разсвѣтѣ въ одномъ изъ бастіоновъ крѣпости. Сотни и тысячи народу устремились на мѣсто казни. И зрѣлище это имъ наглядно показало необходимость противопоставить фанатизму революціонеровъ всемогущество диктатора. Осужденнаго провезли по улицамъ города, посадивъ на скамейкѣ телѣги со связанными за спиной руками; на его груди висѣла надпись: государственный преступникъ. Осужденный бросалъ высокомѣрно-насмѣшливые взгляды на тѣхъ, кто пришелъ смотрѣть на его смерть. Время отъ времени онъ даже выкрикивалъ грубыя и угрожающія слова. У подножья эшафота во время чтенія приговора онъ проявилъ еще большую смѣлость и безстрашіе. Онъ оттолкнулъ отъ себя священника, под-

носившаго къ его губамъ распятіе. Наконецъ, палачъ набросилъ на его голову бѣлый саванъ, обхватилъ его шею веревкой и выбилъ изъ подъ ногъ скамейку.

Трудно было начать эпоху диктатуры съ большимъ блескомъ и энергіей. Консерваторы радовались, видя въ диктатурѣ возвращеніе къ традиціямъ сильной власти. Не менѣе радовались и либералы, хорошо понимая, что политика реформъ имѣла шансы на успѣхъ лишь подъ покровительствомъ власти, безпощадной къ анархистамъ.

Общественное довѣріе и симпатіи вмѣстѣ съ неограниченной властью, находившейся въ рукахъ Лорисъ-Меликова, казалось, открывали передъ нимъ широкое поле дѣятельности. Были ли однако также широки его фактическія возможности?

* * *

Со времени вступленія на престолъ Александра II въ русскомъ обществѣ существовала либеральная партія или, по крайне мѣрѣ, многочисленная группа людей просвѣщенныхъ, независимыхъ, поклонниковъ западно-европейскихъ формъ государственнаго устройства и стремившихся къ тому, чтобы самодержавіе уступило мѣсто болѣе современнымъ принципамъ государственной жизни. Эти люди, въ число которыхъ входили Милютинъ, Черкасовъ, Самаринъ, имѣли покровителя и на ступеняхъ трона въ лицѣ брата Царя, Великаго Князя Константина.

Энергичный и предпріимчивый, обладающій живымъ умомъ и разностороннимъ образованіемъ, Константинъ Николаевичъ съ воодушевленіемъ отнесся къ великимъ административнымъ и соціальнымъ реформамъ, покрывшимъ славою первые годы царствованія Александра II. Онъ мечталъ о томъ, чтобы дать возможность своей родинѣ быть управляемой своими собственными силами, не прибѣгая къ помощи „нѣмцевъ“, болѣе или менѣе обрусѣвшихъ, которые занимали всѣ должности при дворѣ, въ арміи и въ государственномъ управленіи и закрывали дорогу продвиженію русскихъ.

По странному парадоксу, въ этомъ дѣлѣ національнаго раскрѣпощенія его главной помощницей была нѣмка,

женщина замѣчательнаго ума и рѣдкихъ душевныхъ качествъ, Великая Княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Вюртембергская, которая въ 1824 году вышла замужъ за Великаго князя Михаила, брата Николая I. Вокругъ нея въ ея салонѣ обыкновенно собирались поборники либеральной программы; она воодушевляла ихъ своими совѣтами и поддерживала своимъ вліяніемъ противъ реакціонной придворной группы. Александръ II питалъ къ ней большое уваженіе и любилъ бесѣдовать съ нею на политическія темы. Онъ считалъ ее слишкомъ рѣшительной, не считающейся съ препятствіями и увлекающейся иллюзіями, но не уступалъ ей въ великодушіи и въ признаніи правильности либеральныхъ идей.

Но время шло. Наступило разочарованіе. Реформы нисколько не улучшили работу государственной машины; препятствія возрождались съ новой силой; злоупотребленія не только не прекратились, но даже увеличивались, принимая новыя формы. Утомленный и опечаленный безконечной тщетной борьбой, не находя ни радости, ни утѣшенія въ успѣхѣ, Царь-Освободитель началъ склоняться подъ тяжестью безплодныхъ усилій. Безнадежный скептицизмъ овладѣвалъ имъ. Вскорѣ онъ утратилъ всякую вѣру въ свой народъ.

Одновременно съ этимъ росло и вліяніе группы реакціонеровъ. Ихъ главой и защитникомъ неограниченнаго абсолютизма былъ наслѣдникъ престола. Аничковскій дворецъ сталъ ихъ генеральнымъ штабомъ. Тамъ не уставали говорить, что политика реформъ является отрицаніемъ царской власти, что она ведетъ Россію къ гибели и что она не только гибельна, но и кощунственна, такъ какъ Государь своими собственными руками уничтожалъ ту власть, которая ему была дана Богомъ. Въ Аничковскомъ дворцѣ, пользуясь каждымъ поводомъ, повторяли слова Николая I: „Склонившись передъ первыми требованіями французской революціи, Людовикъ XVI измѣнилъ своему самому священному долгу. Богъ покаралъ его за это“.

Реакціонныя тенденціи, исходившія изъ Аничковскаго дворца, мало по малу стали оказывать свое вліяніе на Александра II. Если онъ еще не отказывался отъ своихъ

прежнихъ взглядовъ и не отрицалъ еще ни одного изъ либеральныхъ принциповъ, то онъ грустно сознавался въ необходимости отложить, быть можетъ, на неопредѣленное время выполненіе своихъ великихъ замысловъ. Пользуясь этимъ, реакціонныя теченія мало по малу завладѣли всей внутренней политикой. Приближенные Царя, къ мнѣнію которыхъ онъ особенно охотно прислушивался, не скрывали своей приверженности къ старымъ принципамъ: въ число этихъ приближенныхъ входили: графъ Шуваловъ, генералъ Тимашевъ и графъ Паленъ.

* * *

При такихъ обстоятельствахъ основной вопросъ заключался въ томъ, сможетъ ли Лорисъ-Меликовъ продолжить прерванную эпоху великихъ реформъ.

Одаренный тонкимъ, живымъ и осторожнымъ умомъ и страннымъ сочетаніемъ отвлеченнаго идеализма съ практическимъ макіавеллизмомъ, много читавшій за время службы на Кавказѣ и многому научившійся за время своего генералъ-губернаторства въ Харьковѣ, Лорисъ-Меликовъ видѣлъ лишь одно средство для спасенія Россіи. Оно заключалось въ безотлагательномъ дарованіи русскому народу всѣхъ свободъ, совмѣстимыхъ съ сохраненіемъ абсолютной власти, чтобы постепенно преобразовать эту власть въ конституціонно-монархическую.

По существу, это соотвѣтствовало требованіямъ умѣренной части либераловъ, которая говорила о необходимости „приспособить старые принципы къ новымъ потребностямъ жизни", обезпечить „законное развитіе начатыхъ реформъ" и осуществить, наконецъ, „завершеніе зданія." Но вожди либеральной группы подъ этими вынужденно завуалированными словами понимали большее: они хотѣли призванія народа къ власти и немедленнаго установленія представительнаго правленія.

Диктаторъ скоро понялъ громадную трудность своей задачи. Въ его рукахъ было достаточно власти, чтобы подавить революціонеровъ, возстановить порядокъ въ странѣ и, въ случаѣ необходимости, замѣнить нѣсколько слишкомъ износившихся колесъ старой системы. Но онъ

былъ не властенъ затронуть прерогативы монарха и ввести въ Россіи правительство общественнаго мнѣнія. Радикальное измѣненіе самодержавія должно было исходить отъ монаршей воли, а Александръ II, твердо рѣшившій дойти до конца либеральныхъ уступокъ, сильно колебался въ возможности установленія конституціоннаго строя.

Лорисъ-Меликовъ вскорѣ замѣтилъ, что ему не легко будетъ побѣдить сопротивленіе Царя. И тогда, желая удовлетворить нетерпѣніе либераловъ, онъ постарался занять ихъ вниманіе мелкими и призрачными реформами, естественно навлекшими на него нападки консервативной печати. Послѣ трехъ мѣсяцевъ пребыванія у власти, изобрѣтательный умъ „спасителя“ исчерпалъ всѣ средства. Но въ это время важное событіе внезапно открыло передъ нимъ новыя возможности.

Глава XI.

Смерть Императрицы Маріи Александровны. — Похороны въ соборѣ Петропавловской крѣпости. — Тайный бракъ Александра II съ Екатериной Михайловной.—Прогулка послѣ брака. — Актъ о бракосочетаніи. — Тайнымъ указомъ Екатеринѣ Михайловнѣ присваиваются фамилія Юрьевской и титулъ свѣтлѣйшей княгини. — Александръ II сообщаетъ Лорисъ-Меликову и наслѣднику о своемъ бракѣ.

22 мая/3 іюня 1880 года въ 8 часовъ утра тихо скончалась Императрица Марія Александровна. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца несчастная больная не подавала почти никакихъ признаковъ жизни и только тихо стонала. Легкое напряженіе отъ кашля прервало ея жизнь. Это произошло такъ быстро и незамѣтно, что не успѣли даже позвать дѣтей. Императоръ въ это время былъ въ Царскомъ Селѣ.

Четыре дня спустя бренные останки Императрицы были перенесены изъ Зимняго дворца въ соборъ Петропавловской крѣпости со всей пышной величественностью императорскихъ похоронъ. По обычаю Александръ II съ сыновьями собственноручно перенесли гробъ съ паперти на катафалкъ.

Подъ волнующіе звуки пѣснопѣній С.-Петербургскій митрополитъ началъ служить величественную заупокойную литургію.

О чемъ думалъ тогда Государь? И какое мѣсто среди этихъ думъ занимало воспоминаніе о покойной, изможденное лицо которой въ послѣдній разъ лежало передъ нимъ въ открытомъ гробу.

Какія невольныя мысли, какіе образы вставали передъ нимъ и смущали его печаль?

Дальнѣйшія событія вскорѣ отвѣтили на эти нескромные вопросы.

* * *

Несмотря на званіе фрейлины, княжна Долгорукая, конечно, воздержалась отъ присутствія на похоронахъ Императрицы. Она осталась въ Царскомъ Селѣ.

Давно уже Александръ II не возобновлялъ съ нею разговоровъ о бракѣ. Но она хорошо знала его и вѣрила ему. Она не сомнѣвалась, что рано или поздно, по истеченіи требуемаго приличіемъ срока, Александръ II женится на ней.

На слѣдующій день Александръ II посѣтилъ ее въ Царскомъ, но не затронулъ этой щекотливой темы. Въ теченіе ближайшихъ дней онъ подолгу обсуждалъ съ Екатериной Михайловной многочисленныя перемѣны, которыя ему нужно произвести въ связи со смертью Императрицы въ личномъ составѣ двора и въ обиходѣ его жизни, но и тутъ онъ не проронилъ ни слова о бракѣ.

25 іюня/7 іюля, ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ онъ похоронилъ Императрицу, онъ неожиданно обнялъ княжну Долгорукую и сказалъ спокойно и серьезно: „Петровскій постъ кончится въ воскресенье, 6-го. Я рѣшилъ въ этотъ день обвѣнчаться съ тобой передъ Богомъ.“

Самодержецъ до мозга костей, Александръ Николаевичъ внутри себя вынашивалъ подготовку своихъ рѣшеній. Даже для самыхъ приближенныхъ и преданныхъ ему людей онъ оставался непроницаемымъ. Онъ часто совѣщался съ ними, но, выслушавъ ихъ совѣты, онъ не высказывалъ, къ какому рѣшенію онъ склоняется. Рѣшенія свои онъ высказывалъ въ видѣ приказовъ. Его ближайшіе друзья, графъ Адлербергъ и генералъ Рылѣевъ узнали объ его рѣшеніи лишь 3-го (15-го) іюля. Придворнаго священника, отца Никольскаго, извѣстили лишь въ послѣдній моментъ. Кромѣ нихъ никто не зналъ о предстоящемъ вѣнчаніи.

Когда Государь объявилъ о своемъ рѣшеніи Адлербергу, этотъ послѣдній измѣнился въ лицѣ. „Что съ тобой“, спросилъ у него Александръ II. Министръ двора пробормоталъ: „То, что мнѣ сообщаетъ Ваше Величество, такъ серьезно! Нельзя ли было бы нѣсколько отсрочить?“ — „Я жду уже четырнадцать лѣтъ. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ я далъ свое слово. Я не буду ждать болѣе

ни одного дня". Графъ Адлербергъ, набравшись храбрости, спросилъ: „Сообщили ли Вы, Ваше Величество, объ этомъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику-Цесаревичу?" — „Нѣтъ, да онъ и въ отъѣздѣ. Я скажу ему, когда онъ вернется, недѣли черезъ двѣ... Это не такъ спѣшно." — „Ваше Величество, онъ будетъ очень обиженъ этимъ... Бога ради, подождите его возвращенія". Царь коротко и сухо своимъ обычнымъ, не допускающимъ возраженія тономъ сказалъ: „Я Государь и единственный судья своимъ поступкамъ."

Вслѣдъ за этимъ онъ отдалъ распоряженіе объ устройствѣ предстоящаго вѣнчанія.

Вѣнчаніе происходило 6/18 іюля въ 3 часа дня въ Большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ. Императоръ, въ голубомъ гусарскомъ мундирѣ, направился за княжной Долгорукой въ маленькую комнату нижняго этажа, гдѣ обыкновенно происходили ихъ свиданія. Екатерина Михайловна только что, при помощи своего друга госпожи Ш., надѣла скромное свѣтлое выходное платье; голова ея оставалась непокрытой. Поцѣловавъ ее въ лобъ, Царь просто сказалъ: „Пойдемъ". И онъ далъ руку княжнѣ, приглашая госпожу Ш. слѣдовать за ними.

Были приняты мѣры, дабы никто изъ офицеровъ или изъ придворныхъ слугъ не заподозрѣлъ происходящаго. Даже генералъ Ребиндеръ, комендантъ императорской квартиры, имѣвшій по своей должности право входа во всѣ помѣщенія, оставался въ полномъ невѣдѣніи.

По длиннымъ коридорамъ Александръ Николаевичъ и княжна Долгорукая прошли въ уединенную комнату безъ всякой мебели, выходящую окнами на дворъ. Тамъ уже находились протоіерей, протодьяконъ и дьячокъ. Въ серединѣ комнаты стоялъ походный алтарь — простой столъ, на которомъ находилось все необходимое для совершенія обряда: крестъ, евангеліе, двѣ свѣчи, вѣнцы и обручальныя кольца. Графъ Адлербергъ, генералъ-адъютантъ Барановъ и генералъ Рылѣевъ ожидали Царя у дверей комнаты.

Служба началась тотчасъ же. Барановъ и Рылѣевъ, исполняя роль шаферовъ, держали вѣнцы. За ними стояли госпожа Ш. и графъ Адлербергъ.

Протоіерей трижды повторилъ торжественныя слова вѣнчанія, старательно упоминая каждый разъ императорскій титулъ супруга. Онъ исполнялъ при этомъ специальное приказаніе Царя, сказавшаго: „Съ Екатериной Михайловной вѣнчается не просто Александръ Николаевичъ, но Императоръ." И священникъ трижды повторилъ: „Обручается рабъ Божій, благовѣрный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ съ рабой Божьей, Екатериной Михайловной".

По окончаніи службы священникъ не рѣшился обратиться къ обвѣнчаннымъ съ обычными словами: „Облобызайтесь". Они не поцѣловались и безмолвно удалились.

Тѣми же коридорами прошли они въ комнаты княжны Долгорукой. Тамъ Александръ II своимъ обычнымъ голосомъ попросилъ ее переодѣться и совершить съ нимъ прогулку въ коляскѣ. Обратившись къ госпожѣ Ш., онъ прибавилъ: „Вы поѣдете тоже. Возьмите съ собой двухъ старшихъ дѣтей".

Полъ часа спустя, онъ вернулся, уже въ темно-зеленой формѣ кавалергарда.

Всѣ сѣли въ коляску, Государь съ княжной на одной сторонѣ, а противъ нихъ госпожа Ш. съ Георгіемъ и Ольгой.

День былъ дивный, одинъ изъ замѣчательныхъ дней сѣвернаго лѣта, чарующаго мягкостью красокъ. Коляска въѣхала въ тѣнистую дорогу, соединяющую Царскосельскій паркъ съ Павловскимъ. Только тогда Александръ II прервалъ молчаніе. Обративъ къ женѣ своей восторженный взглядъ, онъ сказалъ: „О, какъ долго я ждалъ этого дня. Четырнадцать лѣтъ. Что за пытка! Я не могъ ея больше выносить, у меня все время было чувство, что сердце не выдержитъ болѣе этой тяжести".

Но внезапно его лицо приняло трагическое выраженіе: „Я боюсь своего счастья, я боюсь, что меня Богъ слишкомъ скоро лишитъ его".

Послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: „Если бы мой отецъ зналъ тебя, онъ бы тебя очень полюбилъ".

Потомъ, наклонившись къ сыну, Георгію, и жадно глядя на него, онъ сказалъ: „Гого, дорогой мой, обѣщай, что ты меня никогда не забудешь".

Ребенокъ, не понимая, не зналъ, что отвѣтить. Но отецъ, умоляя, повторялъ: „Обѣщай, мнѣ, дорогой, обѣщай“. Мать пришла на помощь и Георгій отвѣтилъ: „Обѣщаю тебѣ, папа“.

Императоръ былъ растроганъ, но внезапно его лицо вновь омрачилось. Тайная и важная мысль пришла ему на умъ; онъ задумался и вновь умолкъ. Неожиданно онъ указалъ пальцемъ на своего сына и, внутренне сдерживаясь, прошепталъ: „Это настоящій русскій, въ немъ по крайней мѣрѣ течетъ только русская кровь“.

Изливъ свою душу, Царь приказалъ кучеру ѣхать обратно.

Вечеромъ этого же дня 6/18 іюля Государь приказалъ составить актъ о бракосочетаніи, копію съ котораго онъ засвидѣтельствовалъ собственноручной подписью:

Копія.

Съ подлиннымъ вѣрно
Александръ.
Царское Село, 17 іюля 1880 г.

АКТЪ.

Тысяча восемьсотъ восьмидесятаго года шестого іюля въ три часа пополудни, въ походной церкви Царскосельскаго дворца Его Величество Императоръ Всероссійскій Александръ Николаевичъ соизволилъ вторично вступить въ законный бракъ съ фрейлиной, княжной Екатериной Михайловной Долгорукой.

Мы, нижеподписавшіеся, бывшіе свидѣтелями бракосочетанія, составили настоящій актъ и подтверждаемъ его нашими подписями, 6-го іюля 1880 года.

Въ подлинникѣ подписи:

Генералъ-адъютантъ графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ.
Генералъ-адъютантъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ.
Генералъ-адъютантъ Александръ Михайловичъ Рылѣевъ.

Обрядъ бракосочетанія былъ совершенъ протоіереемъ церкви Зимняго дворца Ксенофонтомъ Яковлевичемъ Никольскимъ.

Въ тотъ же вечеръ Царь подписалъ слѣдующій указъ:

„Указъ правительствующему сенату.

Вторично вступивъ въ законный бракъ съ княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, мы приказываемъ присвоить ей имя княгини Юрьевской съ титуломъ свѣтлѣйшей. Мы приказываемъ присвоить то же имя съ тѣмъ же титуломъ нашимъ дѣтямъ: сыну нашему Георгію, дочерямъ Ольгѣ и Екатеринѣ, а также тѣмъ, которыя могутъ родиться впослѣдствіи, мы жалуемъ ихъ всѣми правами, принадлежащими законнымъ дѣтямъ сообразно ст. 14 основныхъ законовъ имперіи и ст. 147 учрежденія императорской фамиліи

Александръ.

Царское Село 6 іюля 1880 г.“ *)

Въ этомъ указѣ Александръ II признавалъ свое отцовство и создавалъ своимъ дѣтямъ отъ Екатерины Михайловны законное положеніе.

16/28 іюля Лорисъ-Меликовъ былъ вызванъ въ Царское Село. Заставивъ его предварительно поклясться, что онъ сохранитъ сказанное ему въ тайнѣ, Александръ II сообщилъ ему о новомъ своемъ бракѣ. Къ этому онъ прибавилъ: „Я знаю, что ты мнѣ преданъ. Впредь ты долженъ быть также преданъ моей женѣ и моимъ дѣтямъ. Лучше другихъ ты знаешь, что жизнь моя подвергается постоянной опасности. Я могу быть завтра убитъ. Когда меня больше не будетъ, не покидай этихъ, столь дорогихъ для меня лицъ. Я надѣюсь на тебя, Михаилъ Таріеловичъ“.

Послѣ этихъ словъ Государь сейчасъ же перевелъ разговоръ на текущія дѣла.

Три дня спустя Наслѣдникъ-Цесаревичъ, вернувшійся послѣ окончанія курса лѣченія въ Гапсалѣ, былъ вызванъ

---

*) Ст. 14. Дѣти, происшедшія отъ брачнаго союза лица Императорской Фамиліи съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому Царствующему или Владѣтельному Дому, на наслѣдованіе Престола права не имѣютъ.

Ст. 147. Лицо Императорской Фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, непринадлежащимъ ни къ какому Царствующему или Владѣтельному Дому, не можетъ сообщить тому правъ, принадлежащихъ Членамъ Императорской Фамиліи.

къ отцу, который сообщилъ ему о своемъ бракѣ и повторилъ просьбу, обращенную къ Лорисъ-Меликову.

Набожный, цѣломудренный, съ твердыми моральными и религіозными принципами, свято чтущій память матери, Цесаревичъ въ своемъ уваженіи къ отцу и авторитету Верховной Власти нашелъ силы примириться съ признаніемъ, глубоко его опечалившимъ и потрясшимъ.

Глава XII.

Неудовольствіе общества медлительностью Лорисъ-Меликова. — Попытки Лорисъ-Меликова убѣдить Царя, что дарованіе конституціи оправдаетъ въ глазахъ народа возведеніе его морганатической супруги въ санъ Императрицы. — Лорисъ-Меликовъ сопровождаетъ Александра II въ Крымъ.—Жизнь княгини Юрьевской съ Александромъ II во дворцѣ въ Ливадіи. — Доклады Лорисъ-Меликова о необходимости политическихъ преобразованій.— Колебаніе Александра II. — Общество вновь начинаетъ волноваться; — Лорисъ-Меликовъ пытается выиграть время. — Завѣщательныя распоряженія Александра II; письмо къ Наслѣднику. — Отъѣздъ изъ Ливадіи; завтракъ у Байдарскихъ воротъ. — Возвращеніе въ С.-Петербургъ; представленіе морганатической супруги Царской семьѣ.

Политическая жизнь страны тѣмъ временемъ шла своимъ чередомъ. Общество по прежнему находилось въ возбужденномъ состояніи. Не видя осуществленія ни одной изъ ожидавшихся реформъ, либералы начали скептически относиться къ человѣку, принявшему на себя управленіе имперіей. Диктаторъ скоро почувствовалъ это и постарался вновь добиться популярности.

Для этого онъ прежде всего росчеркомъ пера упразднилъ Третье Отдѣленіе собственной его Величества Канцеляріи. Со времени царствованія Николая I это Третье Отдѣленіе пользовалось такой мрачной извѣстностью, что его даже избѣгали называть по имени и въ газетахъ пользовались описательными намеками. Съ чувствомъ глубокой радости Россія узнала, что царскимъ указомъ было уничтожено это проклятое учрежденіе, это грозное орудіе произвола и сыска. Въ общей радости незамѣченнымъ прошло, что весь аппаратъ тайной канцеляріи былъ просто перенесенъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ лонѣ котораго должна была быть сконцентрирована вся полицейская власть.

Второй шагъ, которымъ Лорисъ-Меликовъ попытался вернуть свою популярность, былъ встрѣченъ не менѣе радостно. 6/18 августа сдѣлалось извѣстнымъ, что Лорисъ-

Меликов испросилъ у Государя разрѣшеніе снять съ себя диктаторскія полномочія, ставшія теперь излишними, и ограничить его обычными правами министра внутреннихъ дѣлъ. Либеральная печать, т. е. большинство газетъ, съ глубокимъ удовлетвореніемъ встрѣтили возвращеніе къ законному порядку вещей. Она разсыпалась въ похвалахъ патріотизму, скромности и великодушію диктатора, добровольно сложившаго съ себя диктаторскія полномочія. Кое какія газеты хотѣли увидѣть въ этомъ даже начало важныхъ реформъ, приступъ къ „закономѣрному развитію", и читатели въ этихъ туманныхъ словахъ ясно прочли слово „конституція".

Но Лорисъ-Меликову не удавалось сломить сопротивленія Императора. Реакціонныя теченія, все болѣе укрѣплявшіяся въ кругу Цесаревича, безпокоили Государя. Самого Наслѣдника было нетрудно переубѣдить, такъ какъ онъ былъ нерѣшителенъ и не обладалъ яснымъ и сильнымъ умомъ. Но его окруженіе было силой, съ которой нужно было считаться. Въ совѣщаніяхъ въ Аничковскомъ дворцѣ принимали участіе нѣсколько выдающихся людей страстной убѣжденности, отличавшихся знаніемъ государственныхъ дѣлъ, силой воли и политическимъ чутьемъ. Въ число этихъ людей входили графъ Дмитрій Толстой, графъ Воронцовъ, генералъ Игнатьевъ, князь Мещерскій и, прежде всего, краснорѣчивый поборникъ славянства Катковъ, и страстный защитникъ абсолютизма, фанатическій приверженецъ православія Побѣдоносцевъ. Вопросъ шелъ о томъ, удастся ли устранить ихъ вліяніе на набожнаго Цесаревича.

Лорисъ-Меликовъ употребилъ всѣ силы своего краснорѣчія и настойчивости, чтобы сдѣлать это. 13/25 августа онъ встрѣтился съ Наслѣдникомъ у Государя и подробно изложилъ ему свои взгляды.

На слѣдующій день состоялось ихъ второе свиданіе съ глазу на глазъ, во время котораго Лорисъ-Меликовъ постарался еще болѣе настойчиво повліять на Цесаревича. Это свиданіе не прошло безслѣдно. Во всякомъ случаѣ въ тотъ же вечеръ Лорисъ-Меликовъ писалъ госпожѣ Ш.: „Насколько я могу судить по внѣшнимъ признакамъ, сообщеніе, сдѣланное мною сегодня Наслѣднику, не произвело на него плохого впечатлѣнія. Слава Богу!"

Во время этого свиданія министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, не раскрылъ всѣхъ своихъ картъ и не изложилъ своихъ затаенныхъ желаній. Быть можетъ, онъ не сдѣлалъ еще этого даже передъ Государемъ.

Тайный бракъ Царя, въ который онъ, какъ одинъ изъ немногихъ, былъ посвященъ, давалъ ему новый и смѣлый способъ добиться осуществленія своей политической программы. Надо было доказать Государю, что дарованіе конституціи можетъ оправдать въ глазахъ народа возведеніе морганатической супруги въ санъ императрицы.

Въ концѣ лѣта обстоятельства такъ сложились, что Лорисъ-Меликову представился случай начать проведеніе своего плана: онъ получилъ приказъ сопровождать Царя въ Ливадію.

* * *

Александръ II съ княгиней Юрьевской и двумя старшими дѣтьми выѣхалъ 17/29 августа.

Впервые Екатерина Михайловна ѣхала въ царскомъ поѣздѣ. Свита Государя, адъютанты, церемоніймейстеры и другіе придворные чины были изумлены честью, оказанной Царемъ кн. Юрьевской, и не понимали ея причинъ.

Изумленіе еще усилилось, когда кн. Юрьевская остановилась не въ Бьюкъ-Сараѣ, какъ раньше, но во дворцѣ. Она жила тамъ уже однажды, осенью предыдущаго года, когда Императрица Марія уѣзжала въ Каннъ. Но тогда ее пребываніе скрывалось. Теперь оно сдѣлалось открытымъ.

Съ этихъ поръ кн. Юрьевская не покидала больше Императора. Они вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ выѣзжали въ коляскѣ и верхомъ, вмѣстѣ проводили долгіе часы на верандѣ, наблюдая за игрой дѣтей или любуясь открывающимся передъ ними видомъ. Подолгу засиживались они по вечерамъ, проводя время въ тихихъ бесѣдахъ подъ звѣзднымъ небомъ и пользуясь полнымъ и неомрачаемымъ счастьемъ.

Въ этой обстановкѣ любви и семейнаго счастья Лорисъ-Меликовъ продолжалъ обсуждать съ Царемъ, почти всегда въ присутствіи Свѣтлѣйшей Княгини, свои преобразовательные проэкты.

Уже нѣсколько разъ въ теченіе своего царствованія, Александръ II останавливался на мысли о возможности введенія въ систему управленія представительнаго начала. Послѣ отмѣны крѣпостного права онъ даровалъ дворянскимъ собраніямъ значительное расширеніе ихъ правъ. Въ 1864 году были учреждены земства, вызывавшія по ассоціаціи представленія о Земскомъ соборѣ, игравшемъ роль представительнаго учрежденія въ московской Руси. Вопросъ, выдвигавшійся теперь на первый планъ, былъ много болѣе обширенъ. Среди высшихъ органовъ государственнаго управленія, находившихся на вершинѣ зданія имперіи, были лишь два учрежденія: Правительствующій Сенатъ и Государственный Совѣтъ. Правительствующій Сенатъ былъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, въ компетенцію котораго входило также право обнародованія законовъ. Что же касается Государственнаго Совѣта, въ составъ котораго входили Великіе Князья, заслуженные генералы и чиновники, то, хотя въ его права и входила важная обязанность составленія законовъ, все же это учрежденіе не пользовалось ни правомъ иниціативы, ни властью самостоятельнаго рѣшенія: онъ былъ лишь подсобнымъ и послушнымъ совѣтчикомъ Царя-самодержца, высшаго законодателя, и исходящія отъ Государственнаго Совѣта постановленія ни мало не связывали Монарха, который могъ утвердить ихъ или измѣнить по своему желанію. Такимъ образомъ, вопросъ шелъ объ измѣненіи основныхъ принциповъ всей системы самодержавія.

Въ этомъ отношеніи были возможны нѣсколько проэктовъ. Можно было, напримѣръ, предоставить Государственному Совѣту извѣстную независимость въ дѣлѣ изданія законовъ и контролѣ надъ финансами; при этомъ можно было нѣсколько расширить составъ членовъ, привлекши рядъ представителей страны, назначаемыхъ Государемъ изъ числа членовъ земскаго самоуправленія. Можно было создать и новое совѣщательное учрежденіе, Думу, очень ограниченную въ своей компетенціи, стѣсненную строгимъ наказомъ, причемъ члены Думы могли бы избираться или земствами, или же отдѣльными избирательными коллегіями дворянства, духовенства, земельныхъ собственниковъ, куп-

цовъ, университетовъ, крестьянъ и т. д. И, наконецъ, можно было болѣе рѣшительно приблизить Россію къ типу западно-европейскихъ государствъ и рискнуть ввести болѣе послѣдовательный парламентарный строй — тотъ строй, который оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Побѣдоносцевъ называлъ въ своихъ бесѣдахъ съ Наслѣдникомъ „дьявольскимъ измышленіемъ".

Александръ II не высказывался опредѣленно ни за одинъ изъ предлагаемыхъ ему Лорисъ-Меликовымъ проэктовъ. Онъ откладывалъ свое рѣшеніе до возвращенія въ столицу, гдѣ онъ думалъ собрать подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника комиссію для выработки подробнаго проэкта.

Но если Александръ II не высказывался опредѣленно по вопросу о размѣрѣ и значительности предстоящей реформы, то въ принципѣ на нее онъ былъ согласенъ. Онъ сейчасъ же увидѣлъ, насколько эта реформа удобна, чтобы узаконить въ глазахъ народа возвышеніе морганатической супруги въ санъ Императрицы.

Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Государемъ въ Ливадіи Лорисъ-Меликовъ сказалъ: „Было бы большимъ счастьемъ для Россіи имѣть, какъ встарь, русскую Императрицу". И онъ напомнилъ, что первый Романовъ, царь Михаилъ Федоровичъ, былъ женатъ на Долгорукой.

Въ другой разъ, когда Императоръ работалъ со своимъ министромъ на верандѣ, сынъ Александра II Георгій, игравшій около нихъ, вскарабкался къ нему на колѣни. Поигравъ съ нимъ немного, Александръ Николаевичъ сказалъ: „Теперь поди, мы должны работать".

Лорисъ-Меликовъ, посмотрѣвъ вслѣдъ уходящему ребенку, о чемъ-то задумался, а потомъ, обратившись къ Царю, сказалъ: „Когда русскій народъ познакомится съ сыномъ Вашего Величества, онъ весь, какъ одинъ человѣкъ, скажетъ: „Вотъ этотъ нашъ".

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на Александра II, такъ какъ ему показалось, что министръ отгадалъ одну изъ самыхъ завѣтныхъ его мыслей.

30 августа/11 сентября генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ былъ удостоенъ величайшей Царской милости. Государь пожаловалъ ему орденъ Андрея Пер-

возваннаго, самый высокій знакъ отличія, которымъ можетъ быть удостоенъ русскій государственный дѣятель.

* * *

Общественное мнѣніе было совершенно не освѣдомлено о томъ, что происходило и подготовлялось въ Ливадіи. И оно вновь заволновалось, видя, что ни одна изъ ожидаемыхъ реформъ не осуществляется. Каждое утро надѣялись найти въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" радостное извѣстіе, магическія слова о неиспытанномъ лѣкарствѣ, которое должно было возстановить Россію. И каждое утро эти ожиданія оказывались тщетными.

Въ либеральныхъ кругахъ царило не только разочарованіе, но и возмущеніе Лорисъ-Меликовымъ. Его обвиняли въ неисполненныхъ и лживыхъ обѣщаніяхъ, въ томъ, что онъ пользовался для созданія популярности „невыносимымъ лицемѣріемъ", доходили даже до того, что называли его просто мошенникомъ, и съ недоумѣніемъ спрашивали себя: Не надулъ ли насъ армяшка?

Задѣтый этими обвиненіями, Лорисъ-Меликовъ рѣшилъ открыто выступить. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ редакторовъ большихъ газетъ и убѣжденно заявилъ имъ, что теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, онъ будетъ работать въ согласіи со свободной печатью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы призывая ихъ въ судьи, онъ изложилъ имъ всю невѣроятную трудность его задачи и умолялъ вооружиться терпѣніемъ и не возбуждать общественнаго мнѣнія безплодными и гибельными иллюзіями. Въ концѣ своей бесѣды онъ набросалъ свою политическую программу. По этой программѣ онъ постарается прежде всего облегчить дѣятельность земствъ. Онъ дастъ земству всѣ необходимыя права для успѣшнаго руководства мѣстными дѣлами и улучшенія экономическаго положенія страны. Вслѣдъ за тѣмъ онъ преобразуетъ полицію, дабы сдѣлать впредь невозможнымъ тотъ произволъ, который имѣлъ мѣсто раньше. И, наконецъ, онъ установитъ сенаторскія разслѣдованія съ цѣлью точно узнать волю населенія и согласовать старые порядки съ новыми потребностями. Для проведенія этой программы потребуется не менѣе

пяти-шести лѣтъ. Въ настоящее время, по его словамъ, не можетъ быть и рѣчи объ обращеніи къ народу въ формѣ созыва представительныхъ собраній европейскаго типа или древнихъ земскихъ соборовъ. Все, что писалось объ этомъ въ послѣдніе мѣсяцы, выдумки и мечтанія.

Эти заявленія произвели потрясающее впечатлѣніе. Лорисъ-Меликова нельзя было больше обвинять въ лицемѣріи... Послѣ короткаго обмѣна мнѣній, редакторы газетъ удалились въ подавленномъ настроеніи, къ которому, однако, примѣшивалась и нѣкоторая доля гордости, ибо впервые министръ самодержавнаго Царя снисходилъ до подобной откровенности въ бесѣдѣ съ журналистами.

А на слѣдующее утро тонъ либеральной печати рѣзко измѣнился. Въ кое-какихъ органахъ появились заявленія, что они никогда не распространяли выдумокъ и не питали мечтаній. Всѣ газеты были сдержанны и опечалены.

* * *

Въ спокойной прелести крымской жизни Александръ II не переставалъ думать о томъ, что готовитъ ему будущее.

Несмотря на свое мужество и присущій ему фатализмъ, Императоръ часто думалъ о томъ, что его жизнь подвергается ежедневной опасности. Онъ думалъ о новыхъ покушеніяхъ, подготовляемыхъ противъ него революціонерами. Онъ думалъ о томъ, сколько разъ еще Богъ сохранитъ его жизнь.

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей Александръ II рѣшилъ обезпечить матеріально свою жену и дѣтей, у которыхъ не было никакого личнаго состоянія, и 11/23 сентября онъ составилъ слѣдующее завѣщаніе:

„Процентныя бумаги, опись которыхъ при семъ прилагаю, внесенныя отъ моего имени министромъ двора 5 сентября 1880 года въ Государственный Банкъ, въ суммѣ трехъ милліоновъ трехсотъ двухъ тысячъ девятьсотъ семидесяти рублей, являются собственностью моей жены, Свѣтлѣйшей Княгини Екатерины Михайловны Юрьевской, урожденной Долгорукой, и нашихъ дѣтей.

Ей одной я даю право распоряжаться этимъ капиталомъ при моей жизни и послѣ моей смерти.

Александръ

Ливадія, 11 сентября 1880 г."

Нѣсколько дней спустя полиція захватила кипу прокламацій, распространяемыхъ по приказу исполнительнаго комитета среди студентовъ и рабочихъ. Въ этихъ прокламаціяхъ были перечислены имена всѣхъ революціонеровъ, осужденныхъ и казненныхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Прокламаціи называли ихъ мучениками за свободу и грозили скорымъ и страшнымъ мщеніемъ.

Въ эти дни Наслѣдникъ съ женой пріѣхали въ Ливадію, чтобы остаться тамъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Александръ II, зная любовь къ себѣ сына, безъ колебанія поручилъ его заботамъ, въ случаѣ своей смерти, свою жену и дѣтей. Александръ Александровичъ поклялся, что онъ всегда будетъ ихъ защищать.

Тогда Царь къ своему завѣщанію присоединилъ слѣдующее письмо на имя Наслѣдника:

„Ливадія, 9 ноября 1880 г.

Дорогой Саша!

Въ случаѣ моей смерти поручаю тебѣ мою жену и дѣтей. Твое дружественное расположеніе къ нимъ, проявившееся съ перваго же дня знакомства и бывшее для насъ подлинной радостью, заставляетъ меня вѣрить, что ты не покинешь ихъ и будешь имъ покровителемъ и добрымъ совѣтчикомъ.

При жизни моей жены наши дѣти должны оставаться лишь подъ ея опекой. Но если Всемогущій Богъ призоветъ ее къ себѣ до совершеннолѣтія дѣтей, я желаю, чтобы ихъ опекуномъ былъ назначенъ генералъ Рылѣевъ или другое лицо по его выбору и съ твоего согласія.

Моя жена ничего не унаслѣдовала отъ своей семьи. Такимъ образомъ, все имущество, принадлежащее ей теперь, движимое и недвижимое, пріобрѣтено ею лично, и ея родные не имѣютъ на это имущество никакихъ правъ. Изъ осторожности она завѣщала мнѣ все свое состояніе, и между нами было условлено, что если на мою долю выпадетъ несчастье ее пережить, все ея состояніе будетъ

поровну раздѣлено между нашими дѣтьми и передано имъ мною послѣ ихъ совершеннолѣтія или при выходѣ замужъ нашихъ дочерей.

Пока нашъ бракъ не будетъ объявленъ, капиталъ, внесенный мною въ Государственный банкъ, принадлежитъ моей женѣ въ силу документа, выданнаго ей мною.

Это моя послѣдняя воля, и я увѣренъ, что ты тщательно ее выполнишь. Да благословитъ тебя Богъ!

Не забывай меня и молись за такъ нѣжно любящаго тебя

Па"

Снявъ съ души своей тяжелое бремя заботы о будущемъ своей семьи, Александръ II приказалъ готовиться къ отъѣзду 19 ноября (1-го декабря).

Приближенные думали съ ужасомъ объ этомъ отъѣздѣ, ибо за нѣсколько дней до этого полиціи удалось открыть взрывчатый снарядъ, заложенный подъ полотномъ желѣзной дороги около ст. Лозовой.

По дорогѣ въ Севастополь Александръ приказалъ остановиться у Байдарскихъ воротъ. Оттуда открывался чудесный видъ на серебристыя волны Чернаго моря и голубоватые склоны вершинъ Яйлы. Небо было яснымъ, и послѣдній осенній день былъ сказочно прелестенъ.

Очарованный открывшимся передъ нимъ видомъ, Александръ II приказалъ накрыть столъ на воздухѣ. Его сопровождали лишь близкіе и преданные ему люди: его жена, его дѣти, госпожа Ш. и графъ Адлербергъ. Прислуживалъ единственный слуга. Обѣдъ прошелъ весело и оживленно, и счастье сіяло на всѣхъ лицахъ.

Императорскій поѣздъ 21 ноября (3 декабря) около 12 часовъ дня прибылъ въ С.-Петербургъ. Онъ нѣсколько задержался по дорогѣ въ Колпинѣ, куда прибыли навстрѣчу Наслѣдникъ съ супругой, всѣ Великіе Князья и Великія Княгини. Александръ II ихъ вызвалъ въ Колпино, чтобы представить свою жену въ скромной, не требующей оффиціальной пышности обстановкѣ. Сдѣлалъ это онъ еще и потому, что на оффиціальномъ пріемѣ она должна была по церемоніалу слѣдовать за Великими Княгинями, въ виду того, что была лишь морганатической супругой.

Прiемъ на Николаевскомъ вокзалѣ былъ отмѣненъ. Императоръ, выйдя изъ поѣзда, сѣлъ въ экипажъ вмѣстѣ съ княгиней Юрьевской и проѣхалъ во дворецъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ княгиню Юрьевскую ждалъ прiятный сюрпризъ. По приказу Царя для нея были приготовлены большiе и пышные покои, вмѣсто занимаемыхъ ею раньше трехъ скромныхъ комнатъ.

Глава XIII.

Александръ II соглашается на ограниченіе самодержавія. — Секретная комиссія по ъ предсѣдательствомъ Наслѣдника и при участіи Великаго Князя Константина вырабатываетъ проэктъ политическихъ реформъ. Подготовка къ коронованію княгини Юрьевской.— Александръ II хочетъ отказаться отъ престола. — День 28 февраля 1881 года. — Арестъ Желябова. — Тревожные слухи о готовящемся покушеніи — Лорисъ-Меликовъ убѣждаетъ Царя не ѣздить 1-го марта на разводъ. — Александръ II подписываетъ манифестъ, объявляющій введеніе въ составъ Государственнаго Совѣта членовъ по избранію, и приказываетъ опубликовать этотъ манифестъ въ понедѣльникъ, 2-го марта. — Радость княгини Юрьевской. — Вечеръ 28 февраля; Александръ II настаиваетъ на своемъ желаніи присутствовать на разводѣ.

1881 годъ счастливо начался для Лорисъ-Меликова. Его настойчивость и упорство должны были, наконецъ, увѣнчаться успѣхомъ. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ отсрочекъ Александръ II согласился ввести въ государственный аппаратъ представительное начало. Мало того, Наслѣдникъ-Цесаревичъ выразилъ свое полное согласіе съ волей отца, и это едва ли было не наибольшимъ успѣхомъ, увѣнчавшимъ настойчивость и ловкость министра. 17/29 января, возвращаясь послѣ продолжительной бесѣды изъ Аничковскаго дворца, Лорисъ-Меликовъ сказалъ Екатеринѣ Михайловнѣ: „Теперь Наслѣдникъ всецѣло съ нами“. И въ это же время завсегдатаи дворца Наслѣдника, подавленные и возмущенные, говорили: „Россія погибла. Она на краю пропасти. Цесаревичъ попалъ въ сѣти армянскаго шарлатана“.

По существу предполагаемая реформа была чрезвычайно скромной. Она расширяла только права земствъ, которыя должны были посылать своихъ делегатовъ въ Государственный Совѣтъ, и получали такимъ образомъ право принимать участіе въ выработкѣ законовъ. Государственный Совѣтъ и послѣ реформы оставался лишь совѣщательнымъ органомъ.

При всей своей скромности и ограниченности это нововведеніе тѣмъ не менѣе было значительно. Благо-

даря ему въ государственныя учрежденія вводился основной западно-европейскій принципъ, принципъ народнаго представительства. Впервые русскій народъ долженъ былъ принять участіе въ осуществленіи законодательной власти. Преобразованный Государственный Совѣтъ, конечно, не могъ бы считаться парламентомъ, но онъ становился его зародышемъ и предшественникомъ. Въ этомъ отношеніи Императоръ не обманывалъ себя, сознавая, что, разъ вставъ на этотъ путь, онъ уже не сможетъ не немъ остановиться. И въ разговорахъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ и Лорисъ-Меликовымъ, слишкомъ рьяно расхваливавшихъ ему значеніе этой реформы, онъ неуклонно отмѣчалъ, что всѣ несчастья Людовика XVI начались съ того дня, когда онъ созвалъ нотаблей. Тѣмъ не менѣе онъ учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника, въ задачу которой входила разработка подробнаго проэкта; въ засѣданіяхъ этой комиссіи принималъ участіе и Великій князь Константинъ, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго совѣта.

На ряду съ этимъ Александръ II самъ занялся изученіемъ вопроса, много больше интересовавшаго его: вопроса о возведеніи княгини Юрьевской въ санъ Императрицы.

Этому вопросу онъ приписывалъ тѣмъ большее значеніе, что онъ не скрывалъ болѣе своего брака, и Екатерина Михайловна открыто принимала участіе въ жизни двора и царской семьи.

Будучи лишь морганатической супругой, она должна была уступать мѣсто Великимъ Князьямъ и Княгинямъ. Такъ, на семейныхъ обѣдахъ по воскресеньямъ она сидѣла не противъ Императора, но въ концѣ стола между принцемъ Ольденбургскимъ и герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Александръ II мечталъ какъ можно скорѣй избавить свою жену отъ этого унизительнаго положенія.

Юридически коронація княгини Юрьевской не представляла никакихъ трудностей: достаточно было, чтобы Царь подписалъ соотвѣтственный указъ. Практически, однако, возникалъ цѣлый рядъ щекотливыхъ вопросовъ. Коронація императрицъ совпадала обычно съ коронаціей ихъ супруговъ. Было лишь одно исключеніе при Петрѣ Великомъ, когда онъ въ 1711 году, отстранивъ отъ себя

Царицу Евдокію, женился на Екатеринѣ. Но въ это время церемоніалъ не отличался еще той сложностью и торжественностью, которыя онъ пріобрѣлъ послѣ — при Екатеринѣ II и Павлѣ I. Такимъ образомъ необходимо было установить новый церемоніалъ, устранить кое-какіе старые обычаи, установить кое-какіе новые, что, принимая во вниманіе сложность, выработанность и вниманіе, съ которымъ относились къ сохраненію стараго этикета, было сдѣлать не легко. Князю Ивану Голицыну было поручено спеціальное изученіе этого вопроса въ Московскихъ архивахъ.

Кромѣ этого, необходимо было совершить еще нѣкоторыя формальности. Гражданское состояніе Екатерины Михайловны, т. е. ея положеніе законной супруги, имя княгини Юрьевской и титулъ „Свѣтлѣйшей" должны были быть засвидѣтельствованы сообразно всѣмъ требованіямъ законовъ. Съ этой цѣлью Царь передалъ министру юстиціи Набокову подписанный имъ 6/18 іюля въ день бракосочетанія указъ и приказалъ тайно зарегистровать его въ департаментѣ герольдіи Правительствующаго Сената. Все это время Александромъ II руководило одно основное желаніе, о которомъ онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, за исключеніемъ, конечно, Екатерины Михайловны. Онъ хотѣлъ послѣ обнародованія политическаго преобразованія и коронаціи своей супруги, — т. е. послѣ того, какъ онъ исполнитъ свой долгъ по отношенію къ своему народу и избранницѣ своего сердца, снять съ себя тяжкое бремя верховной власти. По истеченіи шести мѣсяцевъ или, самое большее, черезъ годъ онъ намѣревался отказаться отъ престола въ пользу Наслѣдника и покинуть Россію съ женой и дѣтьми. Онъ мечталъ о томъ, чтобы, отказавшись отъ власти и величія и обратившись въ простого смертнаго, пользующагося лишь сладостью личной жизни, поселиться гдѣ-либо во Франціи, въ По или въ Ниццѣ, чтобы прожить тамъ остатокъ своихъ дней. И картины будущаго тихаго счастья вставали передъ его глазами, какъ райскія видѣнія.

* * *

Несмотря на всѣ принятыя мѣры для сохраненія въ полной тайнѣ подготовляемыхъ событій, въ обществѣ кое о чемъ догадывались.

Въ столицѣ циркулировали странные слухи. Безъ всякаго доказательства и, казалось, безъ всякаго основанія утверждали, что въ годовщину освобожденія крестьянъ, Александръ II обнародуетъ конституцію, которая уничтожитъ самодержавіе и установитъ новый союзный договоръ между русскимъ народомъ и династіей Романовыхъ. Эти слухи возбуждали у однихъ досаду и злобу, у другихъ — надежду и радость. Но историческій день прошелъ, не принеся ничего новаго. Тогда возбужденіе еще болѣе усилилось, и стали съ новой настойчивостью ждать, что ожидаемая конституція будетъ обнародована 12/24 апрѣля, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Въ революціонныхъ кругахъ тоже царило возбужденіе. Однако не потому, что въ ихъ глазахъ обнародованіе конституціи имѣло какое-либо значеніе. Они стремились не къ возрожденію царской власти, но къ ея уничтоженію, не къ улучшенію существовавшаго соціальнаго строя, а къ его разрушенію. Но они инстинктивно чувствовали, что наступило благопріятное время для того, чтобы проявить себя грознымъ революціоннымъ актомъ.

Въ концѣ января и началѣ февраля полиція установила оживленіе дѣятельности въ революціонномъ подпольѣ. Ей удалось арестовать нѣсколькихъ, считавшихся наиболѣе опасными, анархистовъ. Благодаря этимъ арестамъ полиція узнала, что исполнительный комитетъ партіи „Народной Воли" подготавливалъ серію покушеній, которыя должны были по своей жестокости превзойти всѣ предыдущія; удары, подготовляемые революціонерами, должны были быть такъ сильны и такъ близко слѣдовать одинъ за другимъ, что на этотъ разъ революціонеры были увѣрены, что царскій режимъ рухнетъ. Руководителемъ анархистовъ былъ 29-лѣтній Желябовъ, воплощавшій въ себѣ типичнѣйшія черты анархистовъ. Его фанатизмъ, непреклонная воля, холодная разсчетливость, необычайная властность, страстность и смѣлость внушали страхъ даже его сообщникамъ, называвшимъ его „страшнымъ Желябовымъ". Его возлюбленной была Софья Перовская, дѣлившая съ

нимъ тревожную и полную опасности жизнь травленаго звѣря. Софья Перовская происходила изъ аристократической семьи, она была красивая, страстная, съ непреклонной волей. По силѣ своего вліянія она, быть можетъ, даже превосходила Желябова, и про нее говорили, что она приказала нѣкоторымъ своимъ сообщникамъ окончить жизнь самоубійствомъ въ наказаніе за проявленную слабость. Вокругъ этихъ двухъ руководителей группировалась „боевая дружина", человѣкъ пятнадцать безстрашныхъ смѣльчаковъ, которые, пренебрежительно относясь къ теоріи и пропагандѣ, посвятили себя террору, т. е. изготовленію взрывчатыхъ веществъ и выполненію покушеній. Инженеръ Гриневицкій, студентъ Рысаковъ, химикъ Кибальчичъ и Геся Гельфманъ, казалось, играли въ этой дружинѣ главную роль. Полиціи удалось напасть на ихъ слѣдъ.

* * *

Въ субботу, 28 февраля (12 марта), наканунѣ Великаго поста, Императоръ, согласно установившемуся обычаю, причастился въ церкви Зимняго Дворца. Княгиня Юрьевская со своими дѣтьми, Наслѣдникъ и Великіе Князья Владиміръ и Константинъ съ супругами сопровождали его. Члены Императорской семьи заняли мѣсто по правую руку отъ Государя, княгиня Юрьевская съ дѣтьми — по лѣвую. Императоръ по праву своей священной власти собственными руками причастился у алтаря плотью и кровью Христовой, послѣ чего приблизились Великіе Князья и Княгини, чтобы получить причастіе изъ рукъ священника. Не подошла къ причастію лишь супруга Великаго Князя Владиміра, не перешедшая еще въ православіе изъ лютеранства. Вслѣдъ за этимъ Александръ II вновь приблизился къ Царскимъ вратамъ, чтобы стоять рядомъ во время причастія жены и дѣтей. Онъ даже поднесъ двухъ своихъ дочерей къ чашѣ.

По окончаніи церковной службы Государь вмѣстѣ съ княгиней Юрьевской отправился завтракать. Когда онъ вставалъ изъ за стола, ему передали спѣшное письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, извѣщавшее его объ арестѣ Желябова.

Нѣсколько времени спустя Лорисъ-Меликовъ самъ прибылъ во дворецъ, чтобы въ подробностяхъ доложить, какъ удалось полиціи захватить страшнаго анархиста. Онъ сообщилъ, что по даннымъ слѣдствія надо предполагать серьезное покушеніе въ ближайшіе дни. Онъ посовѣтовалъ въ виду этого не ѣздить на слѣдующій день на разводъ. Александръ II былъ очень изумленъ этимъ совѣтомъ: „А почему же мнѣ не поѣхать на разводъ?" Министръ, не будучи въ состояніи привести никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, не счелъ себя вправѣ настаивать, тѣмъ болѣе, что Государь тотчасъ перевелъ разговоръ на другую тему, замѣтивъ у министра папку съ бумагами. Взявъ изъ его рукъ папку, Александръ II внимательно прочелъ одинъ изъ документовъ и подписалъ его. Это былъ манифестъ, сообщавшій русскому народу о введеніи въ составъ Государственнаго Совѣта членовъ по избранію. Этотъ первый актъ, ограничивавшій самодержавіе, долженъ былъ стать началомъ новой эры русской исторіи.

Александръ II поспѣшно подписалъ еще двѣ или три бумаги и, простившись съ Лорисъ-Меликовымъ, прошелъ къ княгинѣ Юрьевской.

„Дѣло сдѣлано", сказалъ онъ со вздохомъ облегченія, — „я только что подписалъ манифестъ, онъ будетъ обнародованъ въ понедѣльникъ утромъ въ газетахъ. Надѣюсь, что онъ произведетъ хорошее впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, Россія увидитъ, что я далъ все, что возможно, и узнаетъ, что я это сдѣлалъ благодаря тебѣ". — „Какъ я счастлива", отвѣтила княгиня Юрьевская.

Въ это же время госпожа Ш. въ прихожей дворца встрѣтилась съ Лорисъ-Меликовымъ, который съ сіяющимъ видомъ спускался по лѣстницѣ. Онъ отвелъ ее въ сторону и сказалъ: „Поздравьте меня, дорогая Варвара Игнатьевна ... Это великій день въ исторіи Россіи".

Госпожа Ш. была давно уже посвящена во всѣ подробности предполагаемой реформы и являлась ея жаркой сторонницей. Лорисъ-Меликовъ вынулъ изъ портфеля манифестъ, подъ которымъ она прочла три подписи:

Александръ
Александръ, Наслѣдникъ-Цесаревичъ
Константинъ, генералъ-адмиралъ

Прощаясь съ госпожой Ш., Лорисъ-Меликовъ сказалъ: „Я сейчасъ же отвезу его въ типографію, чтобы онъ былъ опубликованъ послѣзавтра“.

Вечеромъ этого же дня Императоръ обѣдалъ съ женою. Онъ просилъ госпожу Ш. прійти къ девяти часамъ вечера, чтобы вмѣстѣ съ нею закончить ознаменовавшійся столь важнымъ событіемъ день. Когда она пришла, Александръ II предложилъ ей сыграть партію въ ералашъ. До начала игры госпожа Ш. обратилась къ Государю и, основываясь на сообщеніи Лорисъ-Меликова о подготовляемомъ покушеніи, со всей силой настойчивости умоляла Царя не ѣхать завтра на разводъ. Ее поддерживала княгиня Юрьевская, повторяя просьбу, высказанную уже ею за нѣсколько часовъ до этого. Но Александръ весело и беззаботно возразилъ: „А почему же мнѣ не поѣхать? Не могу же я жить, какъ затворникъ въ своемъ дворцѣ“. Затѣмъ онъ перемѣнилъ разговоръ и роздалъ карты.

Глава XIV.

Трагическій день 1-го марта. — Церемоніалъ развода. — Проѣздъ по набережной Екатерининскаго канала. — Покушеніе. — Первая бомба. — „Не слишкомъ ли рано Вы благодарите Бога?“ — Вторая бомба. — Умирающаго Александра II привозятъ въ Зимній дворецъ. — Новый Императоръ подтверждаетъ Лорисъ-Меликову приказъ опубликовать манифестъ. — Въ теченіе ночи этотъ приказъ отмѣняется, — Роль оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Побѣдоносцева. — Панихиды у гроба Александра II. — Побѣда реакціонеровъ. — Россія вступаетъ на гибельный путь.

На слѣдующій день, въ воскресенье 1-го (13-го марта), прослушавъ обѣдню, принявъ министра внутреннихъ дѣлъ и наскоро позавтракавъ, Александръ II пришелъ проститься съ женой передъ отъѣздомъ на разводъ. Держа на колѣняхъ одну изъ своихъ дочерей, Царь сообщилъ княгинѣ, какъ онъ проведетъ сегодняшній день. Черезъ полъ часа онъ поѣдетъ въ Михайловскій манежъ на разводъ, послѣ развода онъ заѣдетъ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ, живущей вблизи манежа, и вернется безъ четверти три. „Тогда, если хочешь, мы пойдемъ гулять въ Лѣтній садъ“.

Княгиня Юрьевская согласилась, и было условлено, что ровно безъ четверти три она будетъ ждать его, уже одѣтая и въ шляпѣ.

Александръ II выѣхалъ изъ Зимняго дворца въ три четверти перваго въ закрытой каретѣ, сопровождаемый шестью терскими казаками; седьмой помѣстился на козлахъ слѣва отъ кучера. За царской каретой въ двухъ саняхъ поѣхали трое полицейскихъ офицеровъ, среди которыхъ былъ полковникъ Дворжицкій.

По неизмѣнной традиціи, установленной еще Павломъ I, Императоръ каждое воскресенье присутствовалъ на разводѣ карауловъ. Разводъ обыкновенно происходилъ въ одномъ изъ манежей, которыми гордился С.-Петербургскій гарнизонъ и гдѣ свободно могли размѣ-

ститься нѣсколько эскадроновъ. Царя сопровождали Великіе Князья и генералъ-адъютанты. На разводѣ присутствовали и послы, если они были военными. Въ этотъ день присутствовали генералъ Швейницъ, германскій посолъ, графъ Кальноки, австрійскій посолъ, и генералъ Шанзи, посолъ Франціи. Во время развода Государь удостоилъ каждаго изъ присутствующихъ любезной улыбкой или пріятнымъ словомъ. Давно уже онъ не выглядѣлъ такимъ спокойнымъ и непринужденнымъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ проѣхалъ во дворецъ Великой Княгини Екатерины, гдѣ выпилъ чашку чаю.

Въ два часа съ четвертью онъ вышелъ, сѣлъ въ карету и приказалъ спѣшно ѣхать обратно въ Зимній дворецъ. И на обратномъ пути его сопровождали шесть казаковъ, ѣхавшихъ рядомъ, седьмой сидѣлъ на козлахъ, а за каретой въ двухъ саняхъ ѣхали полицейскіе офицеры.

Проѣхавъ Инженерную улицу, карета выѣхала на Екатерининскій каналъ и поѣхала вдоль сада Михайловскаго дворца. Мѣсто было совершенно пустыннымъ и царскіе орловскіе рысаки шли такъ быстро, что казаки поспѣвали за ними, лишь скача въ галопъ.

Нѣсколько полицейскихъ агентовъ, разставленныхъ по пути, наблюдали за проѣздомъ. По улицѣ мальчуганъ тащилъ на салазкахъ корзину. Прошелъ офицеръ, два или три солдата и молодой человѣкъ съ длинными волосами, несшій въ рукѣ небольшой свертокъ.

Въ то мгновеніе, когда императорская карета поравнялась съ молодымъ человѣкомъ, онъ бросилъ свой свертокъ подъ ноги рысаковъ.

Раздался ужасный взрывъ, поднялось густое облако дыма и снѣга, послышался звонъ разбиваемыхъ стеколъ а затѣмъ крики и стоны. Два казака и мальчуганъ, тащившій салазки, лежали на землѣ. Около нихъ убитыя лошади, лужи крови и осколки стеколъ.

Императоръ, оставшійся цѣлымъ и невредимымъ, бросился къ раненымъ. Со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. Выскочивъ изъ своихъ саней, полицейскіе офицеры схватили преступника, пытавшагося убѣжать.

Полковникъ Дворжицкій, начальникъ охраны, умолялъ Царя сѣсть въ сани и ѣхать какъ можно скорѣе въ Зим-

ній дворецъ. Но Александръ II хотѣлъ увидѣть анархиста, котораго толпа грозила растерзать. Когда онъ направился къ нему, кто-то подбѣжалъ къ Царю съ вопросомъ: „Вы не ранены, Ваше Величество?“ Онъ отвѣтилъ: „Слава Богу, я цѣлъ“. Тогда убійца, поднявъ голову, съ злобнымъ смѣхомъ прокричалъ: „Не слишкомъ ли рано Вы благодарите Бога“.

Въ то же мгновеніе неизвѣстный, стоявшій, опершись на перила канала, что-то бросилъ въ воздухъ. И второй ужасный взрывъ поднялъ облако снѣга и дыму. Когда облако разсѣялось, Александръ II лежалъ на землѣ, пытаясь подняться; лицо его было окровавлено, пальто изорвано, ноги обнажены и раздроблены. Кругомъ валялись клочья вырваннаго мяса, онъ истекалъ кровью. Глаза его были открыты, но онъ, какъ кажется, ничего не видѣлъ. Его губы тихо шептали: „Помогите мнѣ... Живъ ли Наслѣдникъ?... Снесите меня во дворецъ... Тамъ умереть“.

Съ большимъ трудомъ Царя уложили въ сани полковника Дворжицкаго и умирающаго отвезли въ Зимній дворецъ.

Княгиня Юрьевская въ пальто и шляпѣ спокойно ожидала возвращенія супруга, когда вбѣжавшій въ комнату испуганный слуга пробормоталъ: „Княгиня, скорѣе, скорѣе... Его Величеству дурно“.

Не теряя ни на минуту присутствія духа, княгиня Юрьевская подбѣжала къ шкафу, гдѣ хранились кое-какія лѣкарства, которыми Александръ II иногда пользовался. Передавъ ихъ слугѣ, она быстро спустилась въ кабинетъ Императора. Въ это время его какъ разъ вносили.

Казаки уложили свою тяжелую и кровоточащую ношу на кровать, поставленную посереди комнаты. Съ рѣдкимъ самообладаніемъ княгиня принялась ухаживать за раненымъ. Она растирала его виски эфиромъ, давала ему дышать кислородъ и даже помогла хирургамъ перевязывать ноги, чтобы остановить кровотеченіе.

Наслѣдникъ съ супругой, Великіе Князья и Княгини, прибывшіе немного спустя, уступили ей первое мѣсто у постели умирающаго. Императоръ уже агонизировалъ, дышалъ лишь съ перерывами, и зрачки его не реагировали уже на свѣтъ. Воспользовавшись минутнымъ возвращеніемъ сознанія, протоіерей Рождественскій причастилъ

его. Вслѣдъ за этимъ Государь вновь впалъ въ безсознательное состояніе.

Въ три съ половиной часа руки женщины, которую онъ такъ любилъ, закрыли навсегда ему глаза.

Въ ту же минуту, въ силу основныхъ законовъ, Наслѣдникъ-Цесаревичъ сдѣлался Императоромъ Александромъ III, и ему тотчасъ же пришлось проявить свою самодержавную волю.

Въ то время, какъ врачи и слуги убирали еще тѣло покойнаго, графъ Лорисъ-Меликовъ испрашивалъ царскаго рѣшенія по вопросу, не терпящему отлагательства. Онъ спрашивалъ у Александра III, долженъ ли онъ, согласно приказу, полученному имъ наканунѣ, опубликовать въ завтрашнемъ номерѣ „Правительственнаго Вѣстниика" манифестъ, извѣщающій русскій народъ о преобразованіи Государственнаго Совѣта и вступленіи на путь ограниченія самодержавія народнымъ представительствомъ.

Ни мало не колеблясь, Александръ III отвѣтилъ: „Я всегду буду уважать волю своего отца. Пусть завтра манифестъ будетъ опубликованъ."

Но въ теченіе ночи министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ приказъ отложить печатаніе манифеста. Это было результатомъ тайнаго совѣщанія собравшихся въ Аничковскомъ дворцѣ реакціонеровъ. Уступая страстнымъ мольбамъ своихъ приближенныхъ, Александръ III неожиданно рѣшилъ отложить исполненіе отцовскаго завѣщанія до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволили ему открыто отречься отъ него. Лишь пламенному краснорѣчію его бывшаго преподавателя, знаменитаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, фанатика неограниченнаго самодержавія Побѣдоносцева удалось сломить сопротивленіе прямого и набожнаго Александра III.

Лорисъ-Меликовъ, получивъ этотъ приказъ, съ горечью воскликнулъ: „Несчастный! .. онъ уничтожилъ собственную подпись."

Въ послѣдующіе дни Побѣдоносцевъ съ еще большей настойчивостью подчинилъ своему вліянію своего Августѣйшаго ученика. Въ страстныхъ рѣчахъ онъ доказывалъ ему кощунственность „новыхъ идей"; онъ напомнилъ ему, что самодержавіе является однимъ изъ догматовъ православ-

ной вѣры; онъ убѣждалъ его вернуться къ священнымъ идеаламъ Московскихъ царей; онъ, не уставая, повторялъ ему: „Бѣгите изъ Петербурга, этого Богомъ проклятаго города, поѣзжайте въ Москву, перенесите правительство въ Кремль... Но прежде всего и немедленно прогоните Лорисъ-Меликова, прогоните Великаго Князя Константина, прогоните княгиню Юрьевскую".

И когда новый самодержецъ, молчаливый и подавленный, мучимый угрызеніями совѣсти, на нѣсколько часовъ освобождался отъ настойчиваго давленія Побѣдоносцева, тогда со всѣхъ сторонъ его приближенные обращались къ нему съ тѣми же словами и съ тѣми же заклинаніями. Такъ вынуждали они Александра III мало по малу отказаться отъ обѣщаній, данныхъ имъ отцу.

Въ это время останки звѣрски убитаго Императора находились еще въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ въ гробу былъ одѣтъ въ мундиръ Преображенскаго полка. Но вопреки обычаю, у него не было ни короны на головѣ, ни знаковъ отличія на груди. Онъ не захотѣлъ, чтобы эти суетные предметы слѣдовали за нимъ въ могилу. Говоря какъ-то съ Екатериной Михайловной о своей смерти, онъ сказалъ: „Когда я появлюсь передъ Всевышнимъ, я не хочу имѣть вида цирковой обезьяны. Не время тогда будетъ разыгрывать величественныя комедіи!"

Каждый день утромъ и вечеромъ многочисленное духовенство служило вокругъ гроба панихиды.

6/18 марта, наканунѣ погребенія въ Петропавловской крѣпости, Побѣдоносцевъ присутствовалъ на панихидѣ. Вернулся онъ домой очень взволнованный, такъ какъ этотъ непреклонный человѣкъ имѣлъ нѣжное сердце. Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ слѣдующее письмо своей пріятельницѣ: „Я присутствовалъ сегодня на службѣ во дворцѣ. Послѣ того какъ служба окончилась и всѣ разошлись, изъ сосѣдней комнаты вышла вдова. Она еле стояла на ногахъ и ее поддерживала сестра и подъ руку велъ Рылѣевъ. Она опустилась на колѣни около гроба. Лицо усопшаго покрыто газомъ, который нельзя подымать. Но она наклонилась, рѣзко сорвала газъ и долгими поцѣлуями покрыла лобъ и лицо; качаясь, она вышла затѣмъ изъ комнаты. Мнѣ жаль эту бѣдную женщину".

Вечеромъ того же дня Екатерина Михайловна вновь пришла къ гробу. Она принесла сплетенный изъ своихъ дивныхъ волосъ, составлявшихъ ея славу, вѣнокъ и набожно вложила его въ руки усопшаго. Это было ея послѣднимъ даромъ.

Мѣсяцъ спустя оберъ-прокуръ Святѣйшаго Синода и его сторонники праздновали полную побѣду. Графъ Лорисъ-Меликовъ, отставленный отъ занимаемой должности, возвращался на Кавказъ. Великій Князь Константинъ, испивъ до дна чашу горечи, унижаемый оскорбительными подозрѣніями, удалился отъ двора. Политическое завѣщаніе Александра II было уничтожено. Злоба и ненависть выметали съ подножья трона всѣ слѣды либеральныхъ настроеній. Александръ III, въ сознаніи своихъ былыхъ заблужденій и въ стремленіи вернуться къ идеалу царей Московскихъ, обратился къ народу съ манифестомъ, въ которомъ утверждались незыблемость самодержавной власти и исключительная отвѣтственность самодержца передъ Богомъ.

Русская Имперія вернулась, такимъ образомъ, на старые традиціонные пути, на которыхъ она когда-то нашла славу и благоденствіе, но которые 35 лѣтъ спустя привели Россію къ гибели, а Николая II къ мученическому вѣнцу.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Эта книга отпечатана въ типографіи
Зинабургъ и Ко., Берлинъ
для изд. „Слово“.

